

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

Майна старого поместья

**ЗМЕЕВЫ
ДОЧКИ**

Татьяна Владимировна Корсакова

Змеевы дочки

**Серия «Тайна старого
поместья», книга 5**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27063436

Змеевы дочки / Татьяна Корсакова: Э; Москва; 2017

ISBN 978-5-699-99768-8

Аннотация

Перед тем как отправить Галю в Чернокаменск, бабушка предупредила внуку, что ее ждет непростое испытание. Ведь в венах девушки течет серебряная кровь, а остров для нее не только источник силы, но и место, проверяющее на прочность. Ожидания оправдались в полной мере, тем более что Галке пришлось заботиться и о себе, и о детях-сиротах, оказавшихся во власти жестокой директрисы детского дома, расположенного в старой усадьбе. Зима в тот год выдалась суровая, а тихий уездный город всполошили необъяснимо жестокие убийства и новое, небывалое доселе нашествие волков. «Грядет беда», – повторяли старожилы, и оказались правы.

Татьяна Корсакова

Змеевы дочери

© Корсакова Т., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Темнота казалась почти крошечной. Слабого света нарождающейся луны хватало лишь на то, чтобы не сбиться с дороги, которую и дорогой-то можно было назвать с очень большой натяжкой. Старые сани потряхивало на ухабах, мотало из стороны в сторону, и Галку мотало вместе с ними. Она пыталась уснуть, хоть как-то пристроиться на куче прелой соломы, но ничего не выходило. От многодневной, уже почти привычной усталости впору было потерять сознание, а сон все равно не шел. Наверное, виной тому Галкин спутник. Или надсмотрщик, она так и не сумела решить, кем считать этого сидящего напротив мрачного, немногословного мужчину в серой армейской шинели.

Лица его в темноте Галка не видела, но ей и не нужно было – выучила за время пути до последней черточки. И смуглую, продубленную кожу, и глубокие, словно ножом вырезанные морщины, и бороду с нитями седины, и серые, с недобрым прищуром глаза. Выучила она и руки – заскоруз-

лые ладони, короткие пальцы с черной каймой грязи под ногтями. Хотя руки он редко показывал, прятал в глубоких карманах шинели, словно стеснялся их мужицкой некрасивости.

Или дело было в пистолете, который все это время лежал в одном из карманов, ничем не выдавая себя, но Галка точно знала, что он существует, видела своими собственными глазами и почти не испугалась. Ей велели быть сильной, и она старалась изо всех сил. Вот только силы, кажется, подходили к концу...

– Почему не спишь?

Голос у мужчины был сиплый, простуженный. Заботы в нем не слышалось – только глухое раздражение. Поэтому Галка не ответила, лишь поплотнее запахнула полы пальто. Это было чужое пальто, некрасивое, колючее, неудобное. Пальто из чужой, неправильной и уже ненавистной жизни. Захотелось плакать, но Галка себе запретила, почти до крови прикусила губу, сжала кулаки. Ей бы спросить, долго ли им еще ехать, когда уже наконец закончится эта бесконечная лесная дорога, но спрашивать она не стала, потому что знала, вопросы задавать бесполезно. Он, этот мрачный незнакомец, не ответит, даже взглядом не удостоит.

– Скоро уже.

В темноте вспыхнул красный огонек папиросы, едко завоныло махоркой. Галка едва сдержалась, чтобы не закашляться. Дед тоже курил, но не мерзкие папиросы, а дорогой, пах-

нущий вишней и шоколадом табак. Тот запах Галка любила и берегла в памяти. Похоже, воспоминания – это единственное, что позволили ей взять с собой из прошлой жизни.

– Раз не спишь, тогда слушай. – Огонек папиросы вспыхнул сильнее, осветив мрачное и одновременно сосредоточенное лицо мужчины. – Слушай и запоминай.

Галка все уже знала, все инструкции выучила наизусть, но спорить не стала. Споры он пресекал таким взглядом, что хотелось спрятаться, а лучше бежать как можно дальше.

– Тебя зовут Галина Ерошина. Тебе шестнадцать лет.

Галке было семнадцать, почти восемнадцать, но кого это волнует?.. Кого вообще волнует ее жизнь?!

– Хорошо, что ты такая... – в сиплом голосе послышался намек на насмешку, – такая неразговорчивая. Лучше бы тебе считаться немой, но ведь не сможешь? – Насмешка сменилась сомнением.

– Не смогу, Кузьма Ильич.

– Фанаберии эти брось. Обращайся ко мне по-простому, называй дядькой Кузьмой. Поняла?

Галка кивнула, и дядька Кузьма удовлетворенно хмыкнул.

– Мало времени, – сказал он после недолгого молчания. – Говор у тебя... не нашенский у тебя говор. Ну ничего, перучишься. Чай, девка ты неглупая.

Глупая, раз согласилась на все это, раз не настояла на своем, позволила себя убедить, отослать. Все-таки Галка не справилась, горячая слезинка покатилась по щеке, оставляя

за собой огненную дорожку боли.

– Не реви. – В сиплом голосе снова послышалось раздражение. – Чтобы я больше не видел!

Он и не должен был видеть, не в этой чернильной темноте. Почуял ее слезы, как иной зверь чует пролитую кровь?

– И подбородком не дергай. Голову опусти, взгляд в землю. Молчи, пока с тобой не заговорят. А когда заговорят, тоже лучше молчи. Если молчать неумогу, думай, кому и что говоришь. Уяснила? Я спрашиваю, ты все уяснила?!

– Молчать. – Галка сжала и разжала онемевшие от холода пальцы. – Думать, что говорю.

– Тут тебе все чужие, девонька. Своих нет и не будет. И цацкаться с тобой никто не станет. Даже не надейся.

Она уже не надеялась. Почти. Только где-то на самом дне души все-таки оставалась крохотная мыслишка, что все это понарошку, не по-настоящему. Что вот прямо сейчас перед их санями вспыхнут яркие огни, на дорогу выйдут веселые, нарядные люди, а бабушка радостно и громко скажет:

– Сюрприз, Галка! – И по голове погладит, а потом спросит с усмешкой: – А ты никак испугалась, детка?! Ты же особенная, ты не должна ничего бояться.

Не должна, а боится. До дрожи в коленках, до судороги в сжатых челюстях, до тошноты.

Тошнота была реальной, она подкатила к горлу горько-колючим комом, заставила сложиться пополам.

– Остановите... Мне нужно сойти... Пожалуйста!

– Нашла время. – Дядька Кузьма отшвырнул догоревшую папиросу, похлопал безмолвного возницу по плечу. Тот обернулся, мазнул по Галке равнодушным взглядом, натянул удила.

Сани качнулись, подпрыгнули на ухабе и замерли.

– Далеко не отходи, – велел дядька Кузьма.

Галка его не слышала, страх и боль уже рвались из нее, выворачивали внутренности наизнанку.

Она стояла, упершись ладонями в дрожащие коленки, не в силах поднять голову, когда услышала волчий вой. Услышала, но не сразу поняла, что это. Не укладывалось у нее такое в голове. И два желтых огонька, вспыхнувшие рядом, не напугали, и даже тихий утробный рык. Напугал ее крик дядьки Кузьмы:

– В сани! Быстро!

Он не стал дожидаться, пока Галка придет в себя, грубо схватил ее за шиворот, дернул вверх. Она упала лицом в колкую солому, затаилась. К рыку присоединилось нервное ржание, загарцевал, почти по-человечески закричал жеребец.

– Гони! – закричал дядька Кузьма и, выхватив из рук возницы кнут, безжалостно стеганул по лошадиному крупу. Жеребец попытался было взвиться на дыбы, но, усмиренный крепкой рукой, рванул вперед. Затряслись, заметались из стороны в сторону сани, Галка ухватилась за их борта, чтобы снова не свалиться в солому. Сердце в груди билось так громко, что, казалось, заглушало и лошадиное ржание,

и волчий вой.

А волков было много. Теперь она слышала разноголосый хор. Они заходили с боков, серыми тенями скользили рядом с санями, клацали челюстями, примерялись к лошадиной шее... Одного из них огрел кнутом возница, зверь взвизгнул и отстал, но место его тут же заняли еще двое.

– Не высовывайся, – с мрачной сосредоточенностью сказал дядька Кузьма и прицелился.

Прогредел выстрел, одна из теней с визгом взвилась вверх, а потом слетела с дороги. А дядька Кузьма уже целился во второго волка. Он велел не высовываться, Галка и рада бы последовать его приказу, с головой зарыться в солому, но не получалось. Неведомая сила заставляла ее смотреть, выискивать в темноте все новые и новые тени, считать...

Получалось двенадцать. А патронов в браунинге сколько? Семь. А сколько времени уйдет на перезарядку? Достаточно, чтобы волчьи челюсти успели сомкнуться на лошадиной шее. Или человечесьей...

От страха Галка тоненько завывала, но тут же до крови прикусила губу. Она не станет, не позволит себе бояться! В ворохе соломы девушка нашарила какую-то палку, потянула на себя. Палка оказалась черенком от вил.

– Не дури, девка! – рявкнул дядька Кузьма, перекрикивая грохот очередного выстрела. Какого по счету? Второго или, быть может, уже пятого? – А ну положь! И сама на дно... Я кому сказал?..

Он отвернулся, снова прицелился, выстрелил. Попал ли? Галка не поняла. И выстрелы считать перестала. Не потому ли, что не было больше выстрелов? Кончились патроны...

Патроны кончились, а волки все не кончались. Теперь Галка их не только видела и слышала, но и чуяла. От волков пахло слежавшейся шерстью, кровью и почему-то отчаянием. словно бы они сами были не загонщиками, а жертвами.

Показалось. Со страха и не такое покажется...

Щелкнул в воздухе кнут возницы, перешибая волчий хребет, выругался дядька Кузьма, истерично заржал жеребец в тот момент, когда на холке его сомкнулись крепкие челюсти. Сомкнулись, чтобы больше уже не разжаться...

Вилы были тяжелые. Куда тяжелее, чем Галка себе представляла. Но откуда ни возьмись, появились силы. Наверное, их привел на поводке страх. Сил хватило не только на то, чтобы поднять вилы над головой, но и на то, чтобы метнуть их в серую рычащую тень.

Наверное, Галке просто повезло, что орудие ее не только не упало на середине пути, но и достигло цели. Острые зубья царапнули впалый волчий бок, вышибая из разомкнутых челюстей не то вой, не то стон. Жеребец мотнул головой, сбрасывая с себя зверя, снова защелкал кнут. А потом к этим звонким, похожим на треск сухой ветки щелчкам добавились другие. Очень близко. Почти над Галкиной головой.

– Ложись! – Дядька Кузьма сшиб ее с ног, навалился сверху, впечатывая в дно саней, не давая ни поднять голову, ни

просто сделать вдох. Под тяжестью его веса Галка одновременно и ослепла, и оглохла. Больше она не слышала ничего, кроме уханья собственного пульса в ушах. Щелчки тоже прекратились. А сани остановились. Кажется...

– Лежи. – Дышать стало легче, но широкая ладонь дядьки Кузьмы продолжала прижимать Галку ко дну саней. – Лежи и молчи.

Сам он вставать тоже не спешил, Галка скорее чувствовала, чем видела, как его руки быстро и сноровисто заряжают браунинг.

– Эй, не стреляйте! – крикнул он в темноту. – Свои!

– Это кто тут у нас свой? – отозвалась темнота голосом лихим и веселым. – Дядька Кузьма, ты, что ли?

– Я и Глухомань! – В голосе дядьки Кузьмы послышалось явное облегчение.

Наверное, это было хорошо, что на лесной дороге они встретили знаконца. Но где же волки? Куда подевались? Галка, которую наконец-то оставили в покое, попыталась сесть в санях. Закружилась голова, к горлу снова подкатила тошнота. Только этого не хватало...

А темнота тем временем расступилась, вытолкнула из своей черной утробы четырех всадников. Кони под ними танцевали, но не испуганно, а скорее нетерпеливо, словно рвались в бой.

– Вовремя ты, Демьян Петрович! Очень кстати. – А дядька Кузьма, кажется, совсем успокоился и браунинг свой ак-

куратно сунул в карман. – Нас тут едва не загрызли. Ошалели волки с голодухи-то!

– Ошалели, не то слово! – Один из всадников выдвинулся вперед, приблизился к саням. Он показался Галке огромным, почти великаном. И конь его был рослый, куда выше и крепче их раненого жеребчика. – Вчера задрали корову Митя Сидорова, а сегодня напали на парней из волошинской бригады. Те как раз с вечерней смены возвращались.

– Отбились волошинские-то? – спросил дядька Кузьма.

– Волошинские-то отбились. Они ж там все как на подбор, крепкие мужики. А если бы бабы или, того хуже, ребятишки? – Великан спешил и стал обыкновенным, просто высоким. И был он милиционером, если судить по меховой шапке и синей шинели. – Придержи-ка, Глухомань! – Он бросил свои поводья вознице, а сам подошел к испуганно всхрапывающему жеребчику, обеими руками обхватил того за морду, зашептал что-то ласковое, успокаивающее.

Возница со странным и смешным именем Глухомань неловко, как-то кривобоко спустился на землю, подошел к уже почти успокоившемуся жеребчику, внимательно осмотрел его шею.

– Волк порвал? – спросил незнакомец, но Глухомань ему не ответил. Перехватив поудобнее кнут, он шагнул в темноту и почти тут же в ней растворился. А через несколько мгновений Галка услышала щелчок и слабый рык.

– Порвал, – ответил дядька Кузьма. – Мог бы и нас по-

рвать, если бы не ты со своими молодцами. Вот только пошто стрелять начали без предупреждения? Девчонку мне до смерти напугали.

Галка не сразу поняла, что речь о ней. Никто раньше не называл ее девчонкой. Называли девушкой или барышней на худой конец. А тут девчонка...

– Так мы ж не по вам, мы по волкам, дядька Кузьма! – слышался из темноты молодой, задиристый какой-то голос, и к саням, ведя под уздцы вороную лошадку, шагнул парень. В темноте Галка не могла разглядеть его лица, видела только темный высокий силуэт, но по голосу сразу поняла, что он молод, моложе своего спутника.

– По волкам! – Дядька Кузьма закурил папиросу, протянул портсигар Демьяну Петровичу. – Ты, Лешка, в темноте видишь, как кот? – спросил, прикуривая.

– Может, даже и получше некоторых котов, – огрызнулся тот, кого дядька Кузьма пренебрежительно назвал Лешкой. – Где волки? – спросил задиристо. – Нет волков! Разбежались. А кто не сбежал, тот вон пристреленный лежит. Так что не надо...

Он не договорил, из темноты вынырнула кривобокая фигура. В одной руке Глухомань держал кнут, во второй вилы.

– Это что? – спросил Демьян Петрович, продолжая успокаивающе гладить раненого жеребчика по холке.

– Это вилы, – снова вместо Глухомани ответил дядька Кузьма. – Отбивались от волков, чем могли. – На Галку он

даже не глянул, видно, не мог до конца поверить, что она сумела не просто метнуть вилы, но еще и попасть. Галка и сама не верила. Происходящее казалось ей страшным сном. То ли от холода, то ли от пережитого сделалось вдруг очень холодно. Зубы предательски клацнули.

– А что за девочка? – Демьян Петрович, а следом за ним и Лешка вплотную подошли к саням, уставились на Галку. – Откуда взялась? Что-то не припомню я, дядька Кузьма, чтобы у тебя была внучка.

– Так это не моя. – Дядька Кузьма махнул рукой с зажатой в ней папирсой. – Бабы Клавы это родственница. Везу из Перми. Мамка ее того... преставилась недавно мамка. Девка сиротой осталась, вот баба Клава и попросила, чтобы съездил, привез.

– А что худющая-то такая родственница? – спросил Лешка и взглянул на Галку со смесью любопытства и, кажется, жалости. Теперь, когда он оказался совсем близко, она могла рассмотреть его лицо.

Впрочем, нечего там было рассматривать. Худое, угловатое, насмешливое лицо, с выбивающимся из-под фуражки вихром. Галка отвернулась, зажала озябшие ладони между коленками. Вот только с зубами ничего поделать не смогла, зубы продолжали клацать.

– Так городская. Что с нее взять? – пожал плечами дядька Кузьма и тут же сказал: – Поедем мы, Демьян Петрович, пока эти твари снова в стаю не сбились.

– Мы проводим. – Лешка лихо, красуясь, вскочил в седло. – Опасно на дороге стало. Слышите, Демьян Петрович, надо бы облаву организовать. Да не такую, как сегодня, а настоящую.

– Ишь, умник! А людей на облаву я где тебе наберусь?

– Клич бросим, найдутся люди. Волки этой зимой всем вот уже где. – Лешка выразительно чиркнул ребром ладони по горлу.

– Разберемся! А теперь поехали. Нечего нам тут посреди леса делать. – Демьян Петрович тоже уселся в седло. – Двигайся, Глухомань, а мы тут с ребятами рядом...

Они и в самом деле держались рядом с санями, двое всадников с одной стороны, двое – с другой. Галке хотелось думать, что в случае чего ружья их готовы к бою. Ведь не для красоты у них ружья.

Волки больше не приближались, не рисковали, и Галка уже почти успокоилась. О случившемся на дороге напомнили лишь лежащие на дне саней вилы с окровавленными зубьями. На вилы она старалась не смотреть. Как и на Лешку, лихо гарцующего рядом, перебрасывающегося шуточками с товарищами.

В темноте запястье ее крепко сжала лапа дядьки Кузьмы.

– Помни, о чем говорили, – процедил он сквозь зубы так, чтобы расслышать его могла одна только Галка.

Она молча кивнула.

А лес тем временем начал редеть, а потом и вовсе закон-

чился. Дорога теперь змеилась посреди замерзшей, засыпанной снегом пашни. Стало светлее то ли от снега, то ли от выглянувшей из-за туч молодой луны. Но окружающий мир виделся мрачным, мертвенно-серым, неласковым. Галка обхватила себя руками, закрыла глаза.

– Бывала у нас раньше? – послышалось над самым ухом, и от неожиданности она вздрогнула.

Лешка смотрел на нее с ленивым интересом. Было видно, что ему просто скучно и хочется поговорить хоть с кем-нибудь.

– Нет. – Галка крепко помнила наказ дядьки Кузьмы.

– Тебе тут понравится. Места у нас красивые, привольные!

Не нравилось! Ей уже все не нравилось. И не понравится никогда. Как может нравиться этот холод и тьма, и пугающая бескрайность?! Ей нравился Ленинград с его улицами, мостами и набережными, с его молочно-сизыми, уютными ночами, а эта уральская глушь вызывала лишь панику.

– А бабе Клаве ты кем приходишься? – Он не унимался, не мог понять, что не нужен ей этот разговор, что ей и без того страшно и больно.

– Внучатой племянницей, – ответил за Галку дядька Кузьма, и впервые она была ему за это благодарна. – Седьмая вода на киселе, но раз уж так получилось... – Он многозначительно замолчал, а Лешка понимающе кивнул, словно и в самом деле что-то понимал.

– Не бойся, малая, – сказал он покровительственным тоном. – Баба Клава не злая. Бывает, ворчит без дела, но это от возраста. Сколько ей лет, дядька Кузьма?

– Много. Помолчал бы ты, Алексей, не жужжал.

Наверное, он обиделся на это пренебрежительное «не жужжал», потому что пришпорил свою лошадь, рванул вперед, в темноту. Галка вздохнула с облегчением.

А впереди уже появились первые огни, намечая границы города, в котором Галке теперь предстояло жить. Название у города было мрачное, неприятное – Чернокаменск...

Они свернули, не доезжая до города.

– Баба Клава живет при клубе, – объяснил снова вернувшийся к саням Лешка. – Это в старой кутасовской усадьбе, здесь совсем недалеко. Я провожу.

– А то мы без тебя дорогу не найдем, – проворчал дядька Кузьма.

– Алексей, домой езжай! – велел Демьян Петрович. – Волошин меня по головке не погладит, если один из его ребят завтра на работе будет что вареный рак.

– Так мне во вторую смену! Отосплюсь еще! А дед Василь обещал бате сапоги починить. Вот заодно и спрошу, что там с сапогами.

– Среди ночи спросишь? – Если Демьян Петрович и злился, то не особо, скорее для проформы.

– Так они ж с бабой Клавой все равно проснутся, чтобы родственницу встретить. – Алексей по-свойски, как старой

знакомой, подмигнул Галке. Она отвернулась, сунула озябшие руки в рукава пальто.

* * *

Ночь выдалась интересная – с волками, облавой, перестрелкой и спасением прекрасной дамы! Впрочем, с прекрасной дамой вышла неувязочка: и не прекрасная, и не дама. Мелкая какая-то замухрышка. Мало того что некрасивая, глазастая, скуластая, мосластая, так еще и неблагодарная. Алексей ей, может быть, только что жизнь спас, а она даже спасибо не сказала. Да что там спасибо, даже посмотреть в его сторону не хочет! Вот такие в Перми девчонки – с горором! Но что интересно, по виду и не скажешь, что испугалась. Сидит, нахохлившись, что ворона, в пальтецо свое модное, но хлипкое кутается, зубами клацает, а не боится. Другая б уже ревела белугой от страха или от радости, что спаслась. Может быть, даже на шею бы Алексею бросилась в порыве благодарности, а эта молчит, нос воротит, ежится. Ежится, небось, от холода. В пальтишке этом дурацком разве согреешься? Будь на ее месте какая другая девушка, Алексей бы не сдержался, проявил благородство, предложил свою куртку. Сам-то он к холоду привычный. На охоте с батеи по три часа в сугробе лежать приходилось, и ничего!

А вообще, любопытно, что она за родственница такая! Баба Клава и дед Василь всегда были при усадьбе, прислужива-

ли сначала кутасовской семейке, а потом и тем, кому усадьба досталась. В их жизни даже после революции ничего не изменилось, так и остались в старом доме, только уже не прислугой, а зрителями. Дед Василь сторожил и ремонтировал, если что сломается по мелочи, а баба Клава прибиралась. Сначала, когда усадьба стояла бесхозная, работы у них было немного, про них, кажется, вообще забыли. Другие были в те времена в Чернокаменске дела и заботы. А потом про усадьбу вспомнили. Сначала в ней располагался какой-то склад, потом госпиталь, потом туда переехала библиотека, и работы у стариков прибавилось. А лет пять назад часть дома отдали под клуб, и уединенное, почти забытое место сразу оживилось, сделалось весьма популярным у городской молодежи. Особенно по выходным, когда в клуб привозили кинофильмы, а после просмотра устраивали танцы. Зимой – в отремонтированном по такому случаю балльном зале, а летом – на площадке в старом парке, прямо под открытым небом. Парк Алексею нравился больше, привольнее как-то было на свежем воздухе, веселее.

Сани тем временем свернули на аллею, ведущую к усадьбе, темнота под сенью вековых деревьев сделалась непроглядной, почти такой же, как в лесу, разве что без волков. Волки сюда не заходили, словно чуяли, что пожить тут нечем, промышляли по деревням и городским окраинам, нападали на домашний скот и собак, а теперь вот перешли на людей.

Алексей был одним из тех волошинских парней, которым пришлось отбиваться от волков. Отбивались тем, что нашлось под рукой: кто палкой, кто подобранным с земли булыжником. Тогда им повезло, волков было всего трое. Худые, отчаявшиеся с голодухи, потерявшие всякий страх, звери припадали к земле, скалились, не спешили нападать, видели численный людской перевес. Не нападали, но и не уходили – выжидали. Демьян Петрович был прав, окажись их жертвой кто-нибудь послабее, женщина или ребенок, случилась бы беда, а так ничего, отбились. Алексей так еще и за Демьяном Петровичем увязался. Только домой заскочил, прихватил батино охотничье ружье, и вперед, на хутор к Митяю Сидорову. Там волкам удалось поживиться, от единственной Митяевой коровы остались только рожки да ножки.

Там же, на хуторе, они и решились на погоню. Митяй, запивая горе самогоном, икая, говорил, что стая ушла недалеко, что если поспешить, то можно нагнать и наказать иродов. Они и поспешили.

Демьяна Петровича долго уговаривать не пришлось. Он хоть и был лицом официальным – начальник городской милиции как-никак, – но азарта и авантюрной жилки не растерял, велел только, чтобы не дурили и оружие держали наготове.

– Глубоко в лес соваться не будем, – сразу же остудил он охотничий пыл своих компаньонов. – Не хватало мне еще

и за ваши горячие головы отвечать! Значит, так, слушаемся меня, без приказа не стреляем. Уяснили?

Они уяснили, но, как показало время, не до конца. Стоило лишь услышать, а потом и увидеть волков, как приказ Демьяна Петровича был позабыт. Хорошо хоть люди случайно не пострадали. Эти, которые в санях. Хорошо, что у дядьки Кузьмы глотка оказалась луженой, крик его они расслышали даже за грохотом выстрелов. Демьян Петрович там, на лесной дороге, не сказал им ни слова, но Алексей чуял – разговор предстоит очень неприятный. Может так случиться, что за послушание он их больше с собой не возьмет. Даже на волчью охоту. Думать об этом не хотелось, глядишь, все как-нибудь само собой утрясется, поэтому Алексей предпочел думать про вот эту замухрышку, про то, какая жизнь ждет ее со стариками-отшельниками. Жизнь получалась скучная и унылая. Себе бы Алексей такую не пожелал.

Усадьба встретила их тишиной и кромешной темнотой. Да и что удивительного, если на дворе уже ночь? В Чернокаменске спать ложились рано, особенно такой порой, когда холод и тьма. Исключение составляли выходные дни, когда старый дом оживал, отряхивался от многолетней пыли и наполнялся людскими голосами.

– Спят, видать. – Демьян Петрович спешил первым. – Придется будить.

– Разбудим, раз такое дело. – Дядька Кузьма выбрался из саней.

Глухомань последовал его примеру, но направился не к дому, а к своему жеребцу, снова принялся осматривать рану на боку. Девчонка осталась на месте, выглядела она безучастной ко всему происходящему. Алексею даже показалось, что она уснула. Но нет, не уснула, вон как глазюками зыркает.

– Галка, чего расселась? – спросил дядька Кузьма, не обращившись. – Вставай давай! Пойдем с родственниками знакомиться.

Она послушно выбралась из саней. Было видно, что к такому виду транспорта она не привычная. Оно и понятно – девчонка же городская. А имя смешное, птичье – Галка.

Дядька Кузьма направился не к крыльцу, над которым красовалась надпись «Городской клуб», а двинулся вдоль стены, к черному ходу. Было видно, что ему доводилось бывать здесь раньше. Ничего удивительного, дядька Кузьма в Чернокаменске числился старожилом. Работал и на приисках, и в шахтах, и в лес уходил с охотничьими артелями. Многое знал, многое умел, со многими водил знакомства.

Демьян Петрович в нерешительности потоптался на месте, а потом сделал знак Алексею:

– Поехали домой, Лешка. Больше в нашей помощи тут не нуждаются.

Как же он оказался не прав!

– Погоди, Демьян Петрович. – Голос дядьки Кузьмы звучал ровно, но что-то в нем неуловимо изменилось, застави-

ло всех замереть. – Посвети-ка. А ты стой, где стоишь. – Он бесцеремонно, даже грубо, оттолкнул шедшую за ним следом Галку.

– Что там у тебя? – Демьян Петрович на ходу вытащил фонарик, луч света мазнул по замершей в нерешительности девчонке, по стене дома с серыми разводами на некогда белой штукатурке и уперся в широкую спину дядьки Кузьмы.

– Сюда иди, – позвал тот.

– А ты не суйся! – Демьян Петрович сдернул с плеча ружье, многозначительно посмотрел на Алексея и шагнул с дорожки в снег.

Конечно, он не послушался! Он же не какая-то напуганная городская девчонка, и вполне может так стать, что его помощь окажется нелишней. Свое ружье Алексей тоже с плеча снял, просто так, на всякий случай.

Они разглядывали что-то у себя под ногами. Алексей заглянул через плечо дядьки Кузьмы и в желтом пятне света увидел на снегу бурые следы.

– Кровь, – сказал дядька Кузьма безо всякого выражения и сунул руки в карманы шинели.

– Знать бы еще чья. – В голосе Демьяна Петровича слышалась тревога.

Не сговариваясь, они двинулись по кровавому следу, который уводил их в глубь старого парка, прочь от дома. Первым шел дядька Кузьма, следом Демьян Петрович и Алексей. Девчонка, как привязанная, плелась сзади. Еще потеря-

ется в темноте, чего доброго. Алексей замедлил шаг, поймал ее за рукав пальто.

– Держись рядом, – сказал тихо.

Она не стала спорить и вырываться не стала. Бледное лицо ее выражало равнодушие к происходящему. Железные нервы у девки.

Кровавый след вывел к часовой башне. Башню эту знал каждый мальчишка в Чернокаменске, и каждый мечтал на нее забраться, своими собственными глазами посмотреть на часовой механизм и бронзовые фигуры, которые, говорят, раньше могли двигаться. Но мечты эти пресекались на корню. Башню посчитали опасным объектом и от греха подальше заперли на замок. Ключи от замка имелись только у деда Василя, но он был непреклонным и ни на какие уговоры не шел, в башню посторонних не пускал. А сейчас тяжелая дубовая дверь оказалась распахнута настежь, и порывы ветра раскачивали ее из стороны в сторону, заставляя стонать давно не смазываемые петли. Коротко выругался дядька Кузьма, вопросительно посмотрел на Демьяна Петровича. Тот молча кивнул, снова зажег фонарик и первым переступил порог.

Внутри было темно, пахло старым деревом и отсыревшей штукатуркой, а еще чем-то металлическим. По лестнице поднимались гуськом, выбивая из деревянных ступеней гулкое эхо, тревожа покой поселившихся в башне голубей.

Наверху, на смотровой площадке, буйствовал ветер. Алексею даже пришлось придержать рукой фуражку, чтобы

ее не сорвало с головы. Наверное, поэтому он не сразу увидел то, что увидели остальные.

Тело деда Василя лежало у лап бронзового дракона. Растерзанное тело у когтистых лап... Некогда белая рубаха была красной от крови, кровь же растекалась по деревянной платформе. Кое-где ее уже прихватило морозом, и она стеклянно поблескивала в свете выглянувшей из-за тучи луны. На тех, кто потревожил его покой, дед Василь смотрел с неммым укором. Или укор этот был адресован не им, а его убийце, чудовищу, посмевавшему совершить такое зверство?

Дядька Кузьма шагнул к телу, под его ногами хрустнула замерзшая кровь. Алексея передернуло от этого звонкого, такого неуместного здесь звука. Заскорузлые пальцы дядьки Кузьмы коснулись стариковской шеи, прямо под некогда седой, а сейчас окровавленной бородой.

– Теплый еще, совсем недавно преставился, – произнес Кузьма глухо и вытер руку о штанину.

– Не преставился, дядька Кузьма, а убили. – Демьян Петрович говорил тихо, почти шепотом. – Видишь, сколько ран? И на руки, на руки его посмотри. Пальцы поломаны. Его пытали перед тем, как убить.

В голове не укладывалось. Кому нужно убивать, а перед этим еще и пытаться ни в чем не повинного старика? Зачем?..

– Хороша ночка! – Рукавом шинели Демьян Петрович вытер покрывшееся испариной лицо. – Сначала волки, а теперь еще и это...

Договорить он не успел, под их ногами неожиданно дернулась и пришла в движение деревянная платформа. Чтобы не упасть, Алексей схватился за одну из статуй. Кажется, это была женщина, одна из тех, которых во все времена принято считать прекрасными дамами. Дама глянула на него с брезгливым укором, от бронзового тела ее шел такой холод, что ладоням стало больно. Чертыхнулся дядька Кузьма, который едва не свалился на мертвое тело, а Демьян Петрович обхватил за шею похожую не то на дракона, не то на крылатого змея тварь.

В этот же момент башня словно завибрировала, наполнилась глубоким и чистым звоном. Он был таким громким и таким пронзительным, что захотелось зажать уши руками.

– Что это? – Демьян Петрович оглушенно замотал головой.

– Где девчонка? – не закричал, а зарычал дядька Кузьма, и Алексей только сейчас осознал, что Галки с ними нет...

К лестнице он бросился первым, двигался, ориентируясь скорее на интуицию, чем на звук. В темноте едва не вывихнул лодыжку, больно стукнулся локтем, пока не попал на этаж с часовым механизмом.

Она стояла спиной к огромным вращающимся шестерням. Руки ее оказались перепачканы чем-то черным, а взгляд был пустым и бессмысленным, словно она спала наяву.

– Эй, ты! – Алексей не хотел ее пугать, но получилось

все равно громко. Ему показалось, что даже громче металлического перезвона, наполнившего часовую башню. – Что ты сделала?

Она никак не отреагировала на его крик, даже голову в его сторону не повернула. Ненормальная.

А шестерни за ее спиной вращались все быстрее и быстрее, и Алексею вдруг подумалось, что стоит только ей сделать шаг назад, и она попадет в эту стальную мясорубку. Вот сейчас стало по-настоящему страшно. То есть страшно ему было и там, на смотровой площадке, рядом с мертвым, уже замерзающим телом, но только сейчас он осознал, что у страха, оказывается, бывают грани. Стоящая напротив девчонка могла умереть в любую секунду, и смерть ее была бы едва ли менее мучительной и страшной, чем смерть деда Василя.

Именно страх, а не здравый смысл легонько толкнул Алексея в спину, взъерошил ледяной лапой волосы на затылке, шепнул на ухо – давай!

Он двигался осторожно и плавно, словно бы боялся спугнуть дичь. Не сводил взгляда с окаменевшего, удивительной красоты лица, только в глаза, черные с серебряными проблесками, старался не смотреть. Шкурой чувал – не надо заглядывать в эти колодезные глубины, небезопасно. И когда пальцы его сомкнулись на ее плечах, ему вдруг показалось, что вся она каменная или бронзовая, как те фигуры, что кружатся сейчас наверху. Подумалось, что сдвинуть ее с места не получится...

Получилось. Алексей рванул девчонку на себя, подальше от шестерней, краем уха успев услышать чудовищный скрежет. От застопорившихся вдруг шестерней снопом посыпались искры, а через мгновение какофония звуков стихла, уступила место тревожной, вибрирующей тишине.

Тишина длилась недолго. Окаменевшее тело, которое Алексей продолжал прижимать к себе, сначала обмякло, а потом забилось в тщетной попытке вырваться. Девчонка, до этого безмолвная и безучастная, истошно завизжала, одновременно отбиваясь от Алексея и пытаясь зажать уши перепачканными мазутом руками. Казалось, она слышит что-то свое, недоступное для остальных, мучительное и страшное одновременно. Или не только слышит, но и видит?..

В продуваемой всеми ветрами башне и раньше было холодно, но тот холод казался самым обыкновенным, не таким, который окутывал их с Галкой сейчас. Он не прошивал позвоночник ледяными нитями, не выстуживал внутренности, не вытягивал силы, не заставлял волосы на затылке шевелиться. Тепло, самая его малость, исходило лишь от снова застывшего Галкиного тела, от грязных ладошек, которыми она теперь упиралась Алексею в грудь. Она смотрела на что-то за его спиной, и Алексею казалось, что еще чуть-чуть, и в зеркально-серебряных ее зрачках он увидит отражение...

Ему бы обернуться. Вот просто взять и повернуть голову, убедиться, что за ним никого нет и быть не может, да только скованное холодом тело не слушалось. Как-то так вышло,

что теперь не он держал Галку, а она его. Держала, не давала упасть, не давала замерзнуть окончательно. Чувство это длилось всего мгновение, до тех пор, пока Алексей не услышал встревоженный голос дядьки Кузьмы:

– Что тут у вас такое? Чего орешь, скаженная?

Она уже не орала, и серебряные искры из ее глаз исчезли без следа. На Алексея девушка смотрела удивленно, словно не могла понять, кто он и как оказался рядом с ней.

– Что ты видела? – спросил Алексей отчего-то шепотом. – Кого ты видела?

Она молча мотнула головой с такой силой, что пуховый платок белым облаком соскользнул ей на плечи.

– Кого она могла видеть? – Луч фонарика задержался на замерших шестернях, а потом осветил бледное Галкино лицо. – Ты кого-то видела, девочка? Кто завел часы?

Она снова мотнула головой, закрылась от света рукой, затаилась. А Демьян Петрович уже осматривал деревянные доски пола. На досках отчетливо виднелись мокрые следы босых, то ли женских, то ли детских ног. Они все разом, и Демьян Петрович, и дядька Кузьма, и Алексей, устали на ноги Галки. Ничего особенного – ноги как ноги, обутые в коричневые сапожки, уж точно не босые...

– Эй, девка, – спросил дядька Кузьма строго, – это ты завела механизм?

– Нет! – Она смотрела на них недоуменно и испуганно, перепачканными в мазуте руками продолжала цепляться за

Алексея, сама того не замечая. – Я ничего не делала.

Она делала, но забыла. Предпочла забыть, как забывают недобрый сон, чтобы он не сбылся.

– А орала чего?

– Я не орала...

Про это она тоже предпочла забыть, а дядьку Кузьму, кажется, полностью удовлетворил ее ответ.

– Ладно, – сказал он мрачно, – спускаемся! – И отстранив Алексея, первым шагнул к лестнице.

Внизу у башни их ждал Глухомань. Алексей подумал было, что тот прибежал на звук курантов или Галкин визг, но тут же вспомнил, что мужика оттого и называют Глухоманью, что он ничего не слышит. Говорить иногда говорит, но не слышит.

– Там, – сказал Глухомань и махнул рукой в сторону дома. – Там, – повторил вроде как сердито и, никого не дожидаясь, пошагал прочь от башни.

– Вот беда, – сказал дядька Кузьма, а потом в который уже раз за эту ночь зло выругался. – Парень, держи ее крепко, никуда не отпускай.

Алексей и не заметил, что сжимает Галкину ладошку, а она, как маленькая, послушно идет следом. Впрочем, она и есть маленькая. Сколько ей? На вид хорошо, если шестнадцать. Галка, птичка-невеличка...

– Стой, – сказал он зачем-то строже, чем следовало.

Она замерла, посмотрела вопросительно, а он молча натя-

нул ей на голову сползший на плечи платок, мельком, всего на мгновение, коснувшись черных, гладких как шелк волос.

– Замерзнешь, – добавил все так же строго и двинулся вслед за дядькой Кузьмой.

Сказать по правде, идти в дом ему не хотелось. После увиденного в башне от этой так интересно начавшейся ночи он больше ничего хорошего не ожидал. И оказался прав. На крыльце черного хода уже горел свет. Наверное, Глухомань вошел внутрь и зажег лампочку, которая сейчас раскачивалась порывами ветра из стороны в сторону, отвоевывая у темноты то кусок парковой дорожки, то щербатые ступени, то хмурое лицо Глухомани.

– Вы стойте, – сказал он и ткнул пальцем в Алексея с Галкой, а потом многозначительно посмотрел на дядьку Кузьму.

– Баба Клава? – спросил тот и с отчаяньем махнул рукой.

– Будь рядом с ним, – велел он Галке. – Чтобы больше ни шагу! Уяснила?

Она снова молча кивнула, крепче сжала Алексееву руку. А он вдруг разозлился, что из него, давно взрослого и самостоятельного, сделали няньку для этой вот мелюзги. Разозлился и решил не слушаться чужих приказов, поэтому шагнул в дом следом за остальными.

Внутри так же, как и снаружи, горел свет. В отличие от промозглого холода башни, в жарко натопленном доме оказалось тепло. Вот только запах... Пахло свежей кровью. И если в башне, на морозе, запах этот можно было не признать,

то сейчас сомнений не оставалось, как не оставалось у него сомнений и в том, что баба Клава, так же, как и дед Василь, мертва.

Она лежала на полу в луже крови. Пытали ли ее перед смертью, Алексей не знал, да и знать не хотел. От одной только мысли об этом к горлу подкатывала тошнота, хотелось бежать прочь, на свежий воздух. А в комнате царила разруха, было видно, что тот, кто убил хозяев, перевернул здесь все вверх дном. Что-то искал? Или им просто двигала лютая, нечеловеческая злоба? Кто вообще мог решиться на такое?..

Рядом тихо всхлипнули, и Алексей вспомнил, что в комнате с ними, закаленными, ко всему привычными мужиками, находится девчонка. Если деда Василя она видеть не могла, то бабу Клаву видела прямо сейчас. И прямо сейчас, чего доброго, если не успокоить, не увести прочь, с ней могла приключиться самая настоящая истерика.

А куда уводить? В ночь, на холод, под нервное мельтешение уличного фонаря, от света которого становится все горше и горше?

– Не реви, – велел Алексей строго. – Даже не вздумай.

Она ничего не ответила, стояла, прижав ладошку к щеке. Щека ее теперь тоже была перепачкана мазутом. Что же она делала в башне? Как сумела завести механизм? Или это не она, а тот, чьи следы они увидели на полу. Босые следы...

– Тело еще теплое. Надо звонить, вызывать ребят. – Демьян Петрович огляделся. – Леша, ты не знаешь, есть у них

тут телефон?

Телефон был, но не в доме стариков, а во флигеле, в котором сейчас располагалась городская библиотека. Если поискать ключи...

– Вот. – Дядька Кузьма положил на стол увесистую связку. – Висела на гвозде.

– Телефон в кабинете Жильцова, в библиотеке, – сказал Алексей, стараясь смотреть не на мертвое тело, а на связку.

– А Жильцов разве не в усадьбе живет? – спросил Демьян Петрович и, чертыхнувшись, направился к выходу. – Кузьма, оставайся с девочкой и Глухоманью здесь, а мы с Алексеем проверим. Вот же сволочная ночка выдалась...

Дождаться Алексея он не стал, лишь буркнул на ходу:

– Оружие держи наготове. Мало ли...

Алексей понимал его опасения: если тело бабы Клавы еще теплое, значит, тот, кто сотворил такое со стариками, может до сих пор прятаться в усадьбе. Или, и того хуже, этот кто-то может отправиться за еще одним здешним обитателем – директором клуба и по совместительству библиотекарем Иннокентием Жильцовым...

Как они вообще могли забыть про Жильцова! Он жил при усадьбе с прошлого лета. Поселился во флигеле почти сразу, как устроился на работу. На самом деле в усадьбу его, считай, сослали местные власти, в Чернокаменском горкоме комсомола посчитали это решение удачным и правильным. Не нужно думать, к кому на постой пристроить моло-

дого специалиста. Библиотека всегда под присмотром. Старикам помощь. И самому Кеше хорошо – баба Клава и покормит, и обстирает. Он тогда, кажется, и не возражал. То ли по робости характера, то ли по причине врожденной скромности.

С Жильцовым Алексей виделся редко, только на комсомольских сходах. На танцах в клубе библиотекарь почти никогда не появлялся, говорил всем, что не любит такие мероприятия. Но причина была в другом – в патологической Кешиной застенчивости. Наверное, поэтому в Чернокаменске он так не стал своим, предпочитал оставаться в тени и без лишней надобности из тени этой не выходить. Ему вполне хватало общества книг, благо библиотека от прежних хозяев усадьбы осталась богатая. Да и чугунолитейный завод не жалел денег на закупку новых книг. И как-то так вышло, что про Кешу Жильцова вспоминали, лишь когда переступали порог библиотеки, да вот, пожалуй, сейчас, когда старую усадьбу накрыло кровавым пологом.

– Держись рядом, – велел Демьян Петрович. – Не высывайся.

Сам он шел скользящим, бесшумным шагом, который выдавал в нем бывалого охотника. Вот только дичь сейчас особенная, пострашнее медведя-шатуна, и от мысли этой холодело в душе. С убийством Алексею сталкиваться раньше не доводилось.

– Думаете, они еще в усадьбе? – спросил он шепотом.

– Не знаю. Но тот перезвон, что устроила девочка, разбудил бы и покойника, а Жильцов из своей норы так и не выбрался. – Голос Демьяна Петровича был мрачен и полон недобрых предчувствий.

Они сошли с парковой дорожки, ступили в ноздреватый, прихваченный ночным морозом снег, двинулись к едва заметному в темноте флигелю.

– Свет не горит, – сказал Алексей, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Сам вижу. – Демьян Петрович крепко сжимал ружье. – Не к добру.

Дверь флигеля оказалась открытой. Вот это точно было не к добру...

Демьян Петрович вошел первым, спрашивать, есть ли кто живой, не стал, в темноте нашарил выключатель, зажег свет. Библиотека занимала весь первый этаж флигеля, двери, ведущие в читальный и абонементный залы, оказались закрыты. Демьян Петрович молча указал на дубовую лестницу, Кешу Жильцова следовало искать именно там.

По лестнице они поднимались, стараясь особо не шуметь, но старые ступени все равно предательски скрипели. Оставалось надеяться, что убийцы во флигеле нет. Найти бы Кешу. Найти бы Кешу живым...

Почти все комнаты второго этажа были заперты на ключ, кроме одной, двери приоткрытой.

– Не суйся, – снова одними губами проговорил Демьян

Петрович и первым переступил порог.

Через мгновение в комнате вспыхнул свет, освещая царящий в ней разгром. Здесь, как и в доме стариков, кто-то устроил обыск. Матрас был сброшен с кровати на пол. Тут же, на полу, валялась одежда Жильцова. Ящики письменного стола были выпотрошены, на бумагах и книгах растекались пролитые чернила. Сама чернильница закатилась в угол, оставив на полу грязные кляксы. Кеша Жильцова нигде не было видно. Наверное, это можно считать хорошим знаком. Все-таки чернильные лужи – это не лужи крови...

– Надо обыскать первый этаж. – Демьян Петрович достал из кармана связку ключей, добавил мрачно: – Заодно и в участок позвоним.

Вопреки ожиданиям, дверь читального зала оказалась не заперта. Она поддавалась, стоило лишь Алексею коснуться дверной ручки. И тут же Демьян Петрович оттеснил его плечом, первым шагнул в гулкую, пахнущую пылью и книгами комнату. На сей раз выключатель искать пришлось долго. Все это время Алексей до боли в глазах всматривался в темноту, ладони, сжимающие приклад ружья, вспотели от напряжения. И когда наконец вспыхнул свет, он помимо воли вздохнул с облегчением.

В читальном зале тоже царил кавардак, книги, бережно хранимые Кешей Жильцовым, в беспорядке валялись между двумя рядами столов, поверх книг лежал сам библиотекарь...

Первое, что увидел Алексей, была кровь, словно красными чернилами заливающая страницу какого-то учебника. Сердце защемило от дурного предчувствия. Еще один...

Демьян Петрович шагнул к телу первым, проверил пульс, сказал громко и возбужденно:

– Жив! – Голос его эхом разнесся под высокими сводами читального зала, вывел Алексея из ступора. – Лешка, помоги-ка мне!

Кеша и в самом деле был жив. Его, как и стариков, пытали. В кровь разбитые губы опухли, правый глаз заплыл, а на лоб с кудрявой макушки стекала красная струйка. Демьян Петрович сунул руку Кеше под голову, ощупал рану.

– Кажись, череп не проломлен. Надо его к Палию в больничку, да быстрее. Где ж у них тут телефон? – Он встал на ноги, осмотрелся.

Телефон стоял на гранитной конторке, прямо перед носом у Демьяна Петровича.

– Алексей, звони в участок и Палию, пусть мчится в больницу, готовит там все необходимое. А мои пусть сюда едут, да побыстрее. Нет, погоди! Дай я сам, а ты пока за библиотекарем присмотри, чтобы он не того...

Кеша открыл глаза в тот самый момент, когда Алексей попробовал еще раз проверить его пульс, замычал что-то нечленораздельное, попытался забиться под стол. Взгляд у него был совершенно безумный, но лишь в первое мгновение, до тех пор, пока он не уставился на Алексея.

– Черкасов, ты? – Разбитые губы едва шевелились, а здоровый глаз смотрел со смесью страха и подозрения.

– Все в порядке, Кеша. Ты в безопасности!

Алексей помог Жильцову сесть. Тот застонал, схватился за разбитую голову.

– Видел, кто тебя? – спросил Демьян Петрович, набирая на телефонном диске номер милицейского участка. – Сколько их было?

– Нет. – Кеша мотнул головой и снова застонал, сказал виновато: – Простите, товарищ милиционер, ничего я толком не рассмотрел. На лицах у них было что-то такое... – Он замолчал, подбирая правильное слово. – Сначала я подумал, что это маски. Ну, знаете, как на новогоднем представлении. Маски из папье-маше. А потом понял, что это мешки, обыкновенные мешки с дырами для глаз.

– Сколько было нападавших? – Демьян Петрович смотрел на телефон, хмурился.

– Двое. Двоих я точно видел.

– Как выглядели, запомнил?

– Не запомнил. Обыкновенно как-то выглядели, я больше на мешки эти смотрел, чем на них самих, все никак в толк взять не мог, что происходит...

– Погоди-ка, – велел Демьян Петрович и заорал в трубку: – Семашко?! Семашко, ты спишь там, что ли? Газаева к телефону позови. Убийство у нас. В клубе. Да, в бывшей ку-тасовской усадьбе...

– Убийство? – Кеша бросил встревоженный взгляд на Алексея, спросил шепотом: – Они убили кого-то?

– Деда Василя с бабой Клавой. – Не было смысла скрывать правду, которую к утру узнает уже весь Чернокаменск.

– Как же это?.. – Придерживаясь за конторку, Кеша встал, покачнулся, но на ногах удержался. – За что?

– А тебя за что? Что они хотели? Что искали?

– Искали... – Кеша прикрыл здоровый глаз, коснулся пальцами разбитой губы. – Они спрашивали у меня, где тайник, говорили, что старуха спрятала бумаги в библиотеке. А я не понимал ровным счетом ничего. Я читал, понимаете? Перед сном читал, потому что мне не спалось. Я даже не услышал, как они вошли.

– Ты был наверху? – спросил закончивший телефонный разговор Демьян Петрович. – Когда эти, в мешках, явились.

– Да, у себя в комнате. Сидел за столом, читал. Они ворвались и почти сразу начали меня бить. Я и не понял ничего, не успел. А потом меня потащили вниз, сюда. – Жильцов обвел взглядом опрокинутые стеллажи и в беспорядке валяющиеся на полу книги. – Снова били, спрашивали про тайник. Я им показал. Только не тайник, а сейф в стене. Я его нашел, когда приступал к обязанностям библиотекаря. Делал опись в читальном зале и нашел.

– Что за сейф? – Демьян Петрович тоже оглядел читальный зал.

– Там, в стене. – Жильцов махнул рукой в сторону одного

из простенков, в котором раньше стоял стеллаж. – Только ключей от него у меня все равно не было, а они не поверили.

– Снова били? – сочувственно спросил Алексей. Кешу ему было по-настоящему жалко. Неласково встретил Чернокаменск молодого библиотекаря – кулаками.

– Кажется. – Кеша почти равнодушно пожал плечами. – Я отключился, ничего больше не помню.

– Сейф вскрыт. – Демьян Петрович разглядывал нишу в стене. – Если в нем что-нибудь и было, нам уже не узнать.

– А что там могло быть? – спросил Алексей, заглядывая ему за плечо.

Сейф казался довольно большим, поместиться в него могло много чего, но воображение тут же нарисовало оставшийся после Кутасова клад. Кутасов, прежний хозяин чугунолитейного завода и половины Чернокаменска, говорят, был очень богат, а его зять Злотников и того богаче. Может, и остался после них в усадьбе какой-нибудь клад. Хотя сам Алексей начал бы поиски не с усадьбы, а с острова.

– А тот, кто это знал, уже ничего не расскажет.

– Думаете, их из-за этого и убили? А пытали, чтобы про сейф узнать? – Про клад Алексей тут же позабыл, стоило только подумать про мертвых стариков.

– Кого пытали?.. – Жильцов тоже подошел к открытому сейфу, провел пятерней по слипшимся от крови волосам.

– А тебе, парень, повезло. – Демьян Петрович посмотрел на него с жалостью, как на несмышленого ребенка. – Мы

этих гадов спугнули, не довели они дело до конца.

– Они, наверное, бой часов услышали и испугались. – Алексей мысленно вернулся в часовую башню, к промозглому холоду и мокрым следам на полу.

– Каких часов? – Кеше было тяжело, разбитая голова соображала плохо, да и болела, наверное, сильно. Все-таки надо, чтобы доктор Палий его осмотрел. Там, небось, точно сотрясение мозга.

– Башенных. Кто-то завел часы. Они зазвонили, спугнули грабителей, – сказал Демьян Петрович задумчиво.

– Или это мы их спугнули. – Алексей посмотрел в чернильную темноту за окном. – А что, если они еще в усадьбе?

– Нет их в усадьбе. Забрали, что хотели, и ушли. Сейчас ищи-свищи! – Демьян Петрович досадливо покачал головой. – Как волки.

– Как волки, – эхом отозвался Кеша и так же, как до этого Алексей, посмотрел в окно. – Дед Василь... – он запнулся, а потом заговорил решительным голосом: – Дед Василь рассказывал, что видел волка в парке. Еще и меня предупредил, чтобы, как стемнеет, на улицу носа не казал. А тут, оказывается, других волков бояться нужно – о двух ногах...

* * *

Девчонка сидела, притулившись спиной к натопленному печному боку, ладошки зажала между коленками. Смотрела

она прямо перед собой. Вот и хорошо, нечего ей на покойницу пялиться. Хотя, Кузьма понимал это ясно и отчетливо, хорошего в случившемся ничего не было. Ни для кого. Дед Василь с бабой Клавой убиты. С библиотекарем непонятно что приключилось, может так статься, что тоже убит. А девчонка в одночасье осталась и без какой-никакой родни, и без крыши над головой. Кому она теперь нужна? Ему, Кузьме, точно не нужна. У него и своих забот полон рот. А теперь, кажется, еще больше прибавится, потому как не к добру все это. Ох, не к добру! И непонятно, чего следует опасаться больше: ночных налетчиков или того, что случилось в часовой башне.

Те следы босых ног видели все, но вопросов, к счастью, задавать не стали. Другие на тот момент у них были вопросы, куда как важнее каких-то следов. А вот Кузьма крепко призадумался, и думы эти были невеселые. Получалось, что по доброй воле впутался он в очень нехорошее дело, приоткрыл ту дверцу, которой бы оставаться запертой до конца дней. Или это не он приоткрыл, а вот эта пигалица? С ее появлением в Чернокаменске все и началось.

Что там говорили про волков? Лютовали? Есть такое дело. Отчего ж им не лютовать, когда зима такая снежная и холодная, что и людям не всегда удавалось вдосталь наесться?! А в город когда волки в последний раз заходили? А на людей в открытую когда в последний раз нападали? Волки ведь звери неглупые, на рожон без лишней надобности не поле-

зут, даже с большой голодухи. А тут не то что на рожон, тут пистолета не испугались. Словно поджидали. Словно встречать вышли... Кого встречать? Вот эту шмакодявку? А если и вышли, то кто их послал? Что послало?..

Заныла, засвербела старая рана на ноге. Словно бы только вчера на ней сомкнулись стальные зубья медвежьего капкана. Вот только не вчера, а давным-давно. День тот Кузьма запомнил на всю оставшуюся жизнь, как запомнил он и того, кому жизнью оказался обязан. Пришло, получается, время отдавать долги. Старика Кайсы уже сколько лет на свете нет, а долг перед ним у Кузьмы остался.

Или, может, черт с ним – с долгом?! Все, о чем договаривались, он сделал, девчонку из Ленинграда в Чернокаменск доставил в целости и сохранности, а то, что не ждет ее тут больше никто, так он ни при чем. Может, оно и к лучшему? Явись они в усадьбу хоть несколькими часами раньше, и лежала бы она сейчас рядом с бабой Клавой с перерезанной глоткой, а так ничего – напугана, но ведь жива!

Захотелось курить, так сильно, что аж во рту пересохло. Кузьма не стал выходить на улицу, закурил папиросу прямо в доме. Баба Клава, чай, не заругается. Он курил и помимо воли, по старой следопытской привычке рассматривал комнату, которая теперь стала местом преступления. На первый взгляд бабу Клаву не пытали. По крайней мере, пальцы ее были целы и сама она выглядела невредимой. Если не считать перерезанную глотку. Или разорванную?..

Посмотреть бы поближе, да вот только нет никакого желания вмешиваться во все это. Не его это дело. Теперь уже не его. Но девчонку порасспросить стоит, пока рядом только Глухомань.

– Кого ты видела в башне? – Не получалось у него ласково ни с бабами, ни уж тем более с детьми. А она ведь по сути еще совсем ребенок. Даром что семнадцать, на вид дитя дитем. И только во взгляде что-то этакое, что выдает породу, что крепче крови роднит ее с бабкой. Непростая девка, хоть и кажется замухрышкой. Не было в ее роду замухрышек. Других Кузьма может обманывать сколько угодно, но себя-то зачем обманывать? А правда такова, что ввязался он в опасное дело. Со всех сторон опасное. Куда ни кинь – всюду клин! И самое обидное, от себя не уйдешь. Теперь все это на его совести.

Справляться с совестью ему всегда помогала злость. Помогла и на сей раз.

– Кого видела, спрашиваю?! – рявкнул он так, что девчонка аж подпрыгнула от неожиданности.

– Никого, – сказала испуганно. – Я никого не видела, дядька Кузьма.

Придуривается? Или в самом деле не видела?

– А механизм зачем запустила?

– Какой механизм?..

– Часовой! Какой же еще?!

– Не запускала я никаких механизмов. – Сказала и голо-

вой замотала для пущей убедительности.

– Не запускала, говоришь? – Все-таки врет. Все врут, даже он, Кузьма. – А руки отчего в машинном масле?

Она посмотрела на свои ладони так, словно видела впервые в жизни, перевела на Кузьму недоуменный взгляд.

– Я не знаю, – сказала едва слышно. – Я не помню... Наверное, где-то выпачкалась...

Где-то выпачкалась. Да он бы и среди бела дня тот механизм не сумел запустить, а она раз-два и... выпачкалась. Врет. Точно врет. Непонятно только зачем.

Снаружи послышались шаги, и Кузьма привычным жестом сунул руку в карман шинели. Сидящий на лавке Глухомань жест его расценил верно, крепче сжал кнут.

– Свои! – с порога сказал Демьян, и Кузьма разжал рукоять браунинга.

В комнату вошли трое: Демьян, Лешка и еще какой-то парень с разбитой мордой и окровавленной головой. Надо думать, этот третий и был здешним библиотекарем. Да, не повезло бедолаге. Или, наоборот, повезло, если жив остался?

– Дозвонился. Сейчас следственная бригада приедет, – сказал Демьян и с жалостью посмотрел на девчонку. Тоже, небось, понимает, что девка совсем сиротой осталась, что придется что-то решать, как-то пристраивать. Ну и пусть решает. Он, в отличие от Кузьмы, человек большой, при власти, при погонах.

– Здравствуйте, – поздоровался библиотекарь и перевел

взгляд с девчонки на мертвую бабу Клаву. Ишь, побитый, а все равно вежливый, интеллигентный.

Никто ему не ответил. Глухомань не услышал, девчонка с безучастным видом разглядывала свои ладони, а Кузьма не посчитал нужным. Он думал о том, как на неделю, а то и другую уйдет с Глухоманью в лес. В лесу ему и дышится, и живется привольнее. Не то что в городе. Хватило с него городов, сыт по горло.

Демьяновы ребята появились через четверть часа. С их прибытием все закрутилось в сосредоточенно-деловитой круговерти, считай, стало на свои места. Их всех, даже девчонку, допросили, составили протоколы. Все чин по чину, по правилам. Осмотр прилежащей территории оставили до утра. Благо утро это было не за горами, в волнениях и хлопотах ночь незаметно подошла к концу. Оставленная в покое, разомлевшая от тепла, девчонка прикорнула на лавке. Кто-то сердобольный прикрыл ее сверху тулупом по самую черную маковку. А волосы-то у ней другие, не такие, как у бабки, без серебра. Оно, может, и хорошо, что без серебра. Историю ту многие уже позабыли, но вдруг да и остались те, кто все еще помнит? Начнут вопросы задавать, а вопросы ни ему, ни девчонке сейчас ни к чему.

Демьян стоял на крыльце, курил папиросу, пряча ее от ветра в широком кулаке.

– Плохо дело, дядька Кузьма, – сказал, не оборачиваясь. – Пять лет в Чернокаменске такого не было.

– Было. – Кузьма тоже закурил. – Ерошка Сидоров отца по пьяной лавочке топором зарубил.

– То по пьяной лавочке, а здесь другое. Здесь разбой со всеми вытекающими. Искали эти ироды что-то в доме.

– Нашли?

– Надо думать, что нашли. Оттого, видно, и пытали стариков, чтобы узнать про сейф и про то, что в нем было спрятано.

Спрашивать о том, что спрятано, Кузьма не стал, понимал, что Демьян, даже если бы и знал, языком болтать не стал бы...

– Библиотекаря я в больницу к Палию отправил. Пусть осмотрит его, чтобы уж наверняка. – Все-таки Демьян обернулся, в упор посмотрел на Кузьму, спросил уже другим, не официальным тоном: – Девочка теперь, получается, совсем одна осталась?

– Получается, что так. – Кузьма пожал плечами.

– Со всех сторон сирота. А документы ее у тебя?

– У меня. – Из внутреннего кармана он достал девчонкины документы. Справные документы, ничем от настоящих неотличимые. Об этом позаботились еще там, в Ленинграде, продумали все: от новых документов до легенды. Не подумали они лишь об одном – о том, что в Чернокаменске их любимую девочку больше никто не ждет.

Демьян документы изучал очень внимательно, словно бы что-то такое подозревал, Кузьме их не вернул, забрал себе.

– Что будешь делать, Демьян Петрович? – Это был правильный вопрос. Этот вопрос сразу расставлял все точки над «і», давал понять, что ответственность за девчонку с себя Кузьма снимает. Да не просто снимает, а перекладывает на Демьяновы широкие плечи. Вот пусть он теперь и крутится.

– Не знаю. Помочь нужно сироте. Пока в больницу ее отвезу к Палию, пусть пару дней там поживет, а потом решим. Может, и сладится что-нибудь. В райком схожу, лично за нее попрошу, чтобы пристроили.

– Куда пристроили? – Не надо было спрашивать, коль уж переложил ответственность, но все равно спросил.

– На Стражевой Камень. Давненько тебя в городе не было, не знаешь, небось, что на острове решено открыть детский дом. – Для воспитанницы она уже слишком взрослая, сам должен понимать. А нянечкой там или рабочей...

Снова засвербела, задергалась старая рана.

– Места другого найти не могли? – только и сумел спросить. – Там же разруха на острове. Сколько лет дом пустовал? Да сгнило, наверное, все внутри.

Допустим, пустым дом на острове не стоял никогда. Уж больно лакомым он был куском. Да только советской власти кусок этот до недавнего времени оказывался не по зубам. А сейчас, значит, детский дом...

– Все лучшее детям. Да, Демьян Петрович?

– А ты не ерничай, дядька Кузьма, не ерничай! Это не я придумал, это приказ сверху. Беспризорников знаешь,

сколько у нас до сих пор? Не знаешь? То-то и оно! А есть еще дети этих... – Он не договорил, глубоко затаился папирсой.

Да Кузьма и сам понял, о каких детях речь. Что там сказал товарищ Сталин? Сын за отца не отвечает? Ну, это с какой стороны посмотреть...

– Под детский дом подыскивают подходящее помещение в городе. – Демьян закашлялся сипло и надсадно, швырнул в снег недокуренную папиросу. – Но туго с этим делом. И старое отремонтировать, и новое построить – на все нужно время. Понимаешь?

– Понимаю.

– Значит, должен понимать, что остров – это временная мера. Как только утрясется все, детский дом в город переведут.

– Там кровью каждый камень залит. – Кузьма говорил тихо, словно сам с собой разговаривал. А, впрочем, так оно и есть. Сам с собой разговаривал, сам себя убеждал, что все они поступают правильно. Все лучшее детям...

– Да что ты душу мне рвешь! – вскинулся Демьян. – Можно подумать, от меня что-то зависит. Директива сверху. Все! Амба! А ты, если такой добрый, так оставь сиротку себе. Хочешь, я поспособствую?

– Не надо способствовать. – Боль в ноге прошла, зато заныло сердце. – Делай как должно, Демьян Петрович.

– Вот то-то и оно. Каждый из нас делает, что должен. –

Демьян зло сплюнул себе под ноги. – Ладно, пойду будить девочку, отвезу ее в больницу к Палию.

* * *

Галкина жизнь снова изменилась. В последний ли раз? Люди, к которым вез ее дядька Кузьма, жестоко убиты, а это значит, что теперь она официально сирота. От нее отказались все: и родные, и чужие. Выживать теперь придется самой. Если получится. Она ведь понятия не имеет, как вообще нужно выживать. Не учили ее этому ни бабушка, ни дед. А чему учили, то теперь, наверное, никогда не пригодится.

Галке бы испугаться этих страшных мыслей еще больше, а она совершенно неожиданно для себя уснула, как в яму провалилась в глубокий, наполненный тенями и шорохами сон. Во сне этом кто-то положил тяжелую ладонь ей на плечо, сказал сильным голосом:

– Просыпайся, девочка. Нам пора.

Галка проснулась в ту же секунду, открыла глаза, словно бы и не спала вовсе, посмотрела на стоящего напротив милиционера.

– Куда? – только и спросила.

– Пока в больницу.

– Я здорова.

Она была голодна, но точно не больна.

– Вот и хорошо, что здорова. – В глаза ей Демьян Петро-

вич старался не смотреть. Галке это показалось дурным знаком. А еще дурным знаком было то, что дядька Кузьма куда-то исчез. Бросил ее одну? Получалось, что бросил.

Снаружи уже рассветало. Ночную мглу разбавлял сильный рассветный туман, превращающий окружающий мир во что-то мрачно-сказочное. На подъездной дорожке рядом с крыльцом стояли сани, запряженные уже знакомым Галке жеребчиком. В санях лежали два тела, прикрытые дерюгой. Галка застыла, как вкопанная. Не хотела она туда, к мертвым старикам.

– Не бойся, – сказал Демьяна Петрович. – Не надо их бояться.

Она не боялась, она просто... не могла себя заставить.

– Эй, птичка-невеличка, давай сюда! – Алексей больше не красовался на своей вороной лошадке. Выглядел он мрачнее и взрослее, чем казался минувшей ночью. – Ну, решай, в санях или со мной?

– С тобой, – сказала Галка и уцепилась за протянутую руку.

Он оторвал ее от земли легко, словно бы она ничего не весила, усадил перед собой, велел держаться крепче и прищпорил лошадь. Лошадь тронулась с места мелкой рысью, чувствовалось, что ей не терпится сорваться в галоп, но она приучена слушаться хозяина. Ехали молча. Алексей ничего не говорил, ни о чем не расспрашивал, и Галка была ему за это благодарна. Не выдержала бы она расспросов, еще, че-

го доброго, расплакалась бы. А слезы – это последнее дело, слезами горю не поможешь. В том, что происходящее вокруг горе и есть, Галка не сомневалась ни на секунду, хотя раньше никогда с ним не сталкивалась. Когда погибли родители, она была еще слишком маленькой, чтобы горевать по-настоящему. А когда бабушка спешно собирала ее в дорогу, погоревать не успела. Слишком быстро все случилось, слишком неожиданно. Она все понимала, или хотела думать, что понимает, но в глубине души надеялась, что происходящее – это понарошку, надо еще чуть-чуть потерпеть, и все изменится.

Изменилось. Вот только не в лучшую сторону. Стало хуже, стало страшнее...

Город встретил их собачьим лаем и горьким печным дымом. После Ленинграда он показался Галке маленьким, почти игрушечным. И люди, в нем живущие, тоже виделись ей ненастоящими. Настоящим в этом неправильном мире был только Алексей, да и то лишь потому, что сквозь тонкую ткань пальто Галка чувствовала исходящее от него тепло. Тепло это не давало ей замерзнуть окончательно, не позволяло заледеневшей статуей свалиться под копыта лошадке.

Они остановились перед одноэтажным кирпичным зданием, во дворе которого на ветру, точно старые паруса, реяли застиранные, явно казенные простыни. Алексей спрыгнул на землю первым, помог спуститься Галке. Он так же, как и Демьян Петрович, старался не смотреть ей в глаза. Галка заку-

сила губу, отвернулась. Скрипнула входная дверь, и с клубами пара на улицу вышел невысокий мужчина в очках и бороде, в накинутом на плечи медицинском халате. В отличие от простыней, халат этот оказался кипенно-белым, куда белее лежащего во дворе снега. Галка была почти уверена, что он еще и накрахмален до звонкого хруста. Когда-то, в прошлой жизни, она мечтала поступить в медицинский. И если бы мечте ее суждено было сбыться, в будущем она сама носила бы вот такой белоснежный крахмальный халат. Она помогала бы людям. Всем, без исключения. Потому что врач на то и дает клятву Гиппократу, чтобы спасти всех подряд, не делая различий.

– Илья Лаврентьевич, доброе утро! – Алексей приветственно взмахнул рукой.

– Было бы оно добрым, молодой человек, мы бы с вами сейчас пили чай на кухне, а не стояли здесь, дожидаясь, когда привезут покойников. – Доктор сдернул с носа очки, протер их краем халата, посмотрел на Галку, а потом добавил: – А вы, надо думать, та самая милая барышня, за которую хлопотал Демьян Петрович?

Галка ничего не ответила, как-то сразу поняла, что вопрос риторический, что доктор и так про нее уже все знает.

– Как там Иннокентий? – спросил Алексей и легонько подтолкнул Галку в спину, навстречу доктору.

– Жить будет, если вы об этом. Ушиб мягких тканей головы, ссадины и гематомы, легкое сотрясение и нешуточное

душевное потрясение. Не каждый день, знаете ли, приходится сталкиваться с разбойниками. Кстати, что это мы с вами стоим на морозе? Барышня вон посинела вся от холода. Заходите внутрь, товарищи!

– Спасибо, но я домой. – Алексей теперь уже настойчивее подтолкнул Галку вперед. – Мне сегодня в ночь, хочется хоть немного поспать.

– Оно и понятно! – Доктор закивал. – Крепкий сон – это то, что нужно для здоровья растущего организма.

– Уже вырос, Илья Лаврентьевич! – усмехнулся Алексей и сказал уже тише, обращаясь только к Галке: – Ну, держись тут, птичка-невеличка.

– Почему птичка? – спросила она и помимо воли коснулась шеи, на которой когда-то висел медальон в виде ласточки.

– Потому что галка. – И он таким небрежным жестом поправил Галкин пуховый платок. Словно она была маленькой девочкой, которая нуждалась в такой глупой заботе. Прощаться с ним она не стала, сунула руки в карманы пальто и направилась навстречу своей судьбе. Так уж вышло, что сейчас судьба выглядела, как провинциальный доктор. Тогда Галка еще не знала, что дни, проведенные в больнице, станут едва ли не единственными спокойными днями в ее новой жизни...

Над чаном с кипящим постельным бельем поднимался густой пар. Из-за пара этого на стеклах больничной столовой оседали капли, стекали на растрескавшийся подоконник тонкими струйками.

– Галка, открой-ка форточку! – велела баба Рая, работающая при больнице санитаркой. – Дышать нечем!

Рама разбухла и не поддавалась, пришлось толкать изо всей силы. Наконец в комнату ворвался свежий, морозный воздух.

– А сама от окошка отойди. Еще заболеешь, не дай бог!

Ей бы и в самом деле заболеть, хоть как-то отсрочить неизбежное. А неизбежное с каждым днем становилось все ближе и ближе. Детский дом. Не самое плохое решение, как сказал доктор Палий. Вот только при этом он так же, как Демьян Петрович, старался не смотреть ей в глаза.

В помощь бабе Рае Галка попросилась сама. Чтобы не сидеть в четырех стенах, не пялиться на мир в узкое, заиндевевшее окошко. Работа была незамысловатая, но грязная. Прибраться в палатах, перемыть посуду или вот, как сейчас, прокипятить и развесить белье. Галка бралась за все, что помогало ей забыться, отвлечься от нелегких мыслей.

В больнице ее никто не навещал: ни дядька Кузьма, ни Демьян Петрович, ни Алексей. И в какой-то момент Галка

начала надеяться, что про нее просто забудут, оставят все как есть, что не будет никакого детского дома ни на каком острове.

Не забыли. Из распахнутой двери потянуло сквозняком, и в комнату, на ходу сдергивая с головы шапку-ушанку, шагнул Демьян Петрович.

– Доброго всем утречка! – поздоровался так, словно растались они с Галкой только вчера.

– Доброго, если не шутите, товарищ милиционер. – Баба Рая глянула на него из-под низко надвинутого на лоб платка, велела: – Двери только прикройте, не выстуживайте.

Он послушно закрыл дверь, зачем-то ударил об колено свою шапку, а потом сказал:

– Вижу, помощница у тебя появилась, баба Рая. Хорошая хоть помощница? – На Галку он так и не посмотрел.

– Обыкновенная. – Баба Рая вытерла красные, в цыпках, руки о передник. – Старательная. А чего вы спрашиваете, товарищ милиционер? Может, хотите ее при больнице оставить? Так я вам вот что скажу, мне помощь не помешает. Работы тут всем хватит. Илья Лаврентьевич – доктор, конечно, хороший, да только в хозяйственных вопросах – сущее дите. Вот у нас давеча уголь закончился. А я ему еще две недели назад говорила, что надо выписать. Он в ответ только покивал, а что у него там в голове, одному богу ведомо. Пришлось самой...

Баба Рая ворчала, а Галка не смела вдохнуть полной гру-

дью. Вдруг да и получится уговорить Демьяна Петровича.

– Про трудности твои, баба Рая, я все понимаю. – Он слушал очень внимательно, а потом разрушил все Галкины надежды: – Но помочь ничем не могу. Нашли мы ей местечко. И довольствие будет, и крыша над головой. Все честь по чести.

– Это где же честь по чести? – Баба Рая уперла кулаки в тощие бока, вид у нее сделался воинственный. – На острове? Так не мне тебе рассказывать, какое это гиблое место. Там и взрослый-то не всякий приживется, а то дите неразумное.

Галка дитем себя не считала, тем более неразумным, но предпочла промолчать, не вмешиваться, прислушиваться к тому, о чем говорит баба Рая. О том, что детский дом расположен на острове посреди озера, она уже знала, не знала она о том, что место это отчего-то считается гиблым. Отчего же?

– Хватит! – неожиданно повысил голос Демьян Петрович. – Довольно с меня это дремучести и суеверий! И девочку нечего пугать. Обыкновенное это место. Обыкновенное! – Последнее слово он произнес отдельно, по слогам, вдохнул, выдохнул, а потом велел: – Галка, иди собирай вещи. Я тебе отведу.

Она растерялась, застыла точно вкопанная. Наверное, успела убедить себя в том, что этот день не наступит никогда, а он взял и наступил.

– Иди, кому говорю! – Демьян Петрович сердился, но Галка была почти уверена, что сердится он не на нее.

Сборы не заняли много времени. Вещей у нее было мало, всего один небольшой чемодан, который тут же забрал Демьян Петрович.

– Здесь недалеко, – сказал он мрачно и пристроил на голове шапку. – Прогуляемся пешком.

Погода для прогулки выдалась подходящей, в меру морозной, в меру солнечной, без пронизывающего ветра. Демьян Петрович шел широким шагом, и Галке приходилось почти бежать, чтобы за ним поспевать. Городские улицы закончились через пятнадцать минут, вместе с ними исчезла и хорошая дорога. Шагать теперь приходилось по разбитой колесами грунтовке. Позади осталась водонапорная башня, сложенная из красного кирпича, а чугунолитейный завод, о котором говорил Алексей, Галке удалось увидеть лишь издали. Даже не сам завод, а черные трубы с рвущимися из них столбами сизого дыма. Замерзшее поле путники пересекли быстро, вступили под сень старого соснового леса.

Оказавшись на лесной дороге, больше похожей на широкую тропу, Демьян Петрович ускорил шаг, правую руку положил поверх кобуры с пистолетом. Галке подумалось, что, наверное, это из-за волков. Сейчас, конечно, белый день, но кто же знает, где может рыскать волчья стая?

А потом она увидела озеро и думать забыла про волков. Озеро оказалось покрыто ледяной броней, которая на солнце отсвечивала серебром. Снега поверх льда не было. Наверное, его сдувал ветер, который по мере их приближения к озеру

делался все сильнее, все злее. А из самого центра гигантской серебряной чаши серой громадой выступал остров. Он щетинился черными валунами, тянулся к небу высокими, косматыми соснами, но не валуны и не сосны привлекали внимание. Остров, и без того необычный, казался почти сказочным из-за возвышающегося над ним средневекового замка и башни маяка, стены которой, казалось, покрывала черная чешуя. Эту башню строил Галкин прадед. С этим островом было связано прошлое ее рода. Жаль только, что о прошлом она знала слишком мало, а то, что знала, казалось еще более сказочным, чем замок...

Галка застыла на берегу, не в силах ступить на сияющий, удивительно прозрачный лед.

– Не бойся. – Демьян Петрович по-своему понял ее заминку. – Лед на озере толстый, не провалимся. Он будет лежать почти до конца апреля, а потом растает за одну ночь. Вот такая аномалия. – На лед он ступил первым, протянул Галке загрубевшую, красную от холода ладонь. – Идем, тут недолго осталось. И не слушай всякие рассказы, – добавил зачем-то.

Девушке хотелось спросить, куда девался дядька Кузьма или хотя бы Глухомань, но не стала, потому что понимала: теперь каждый сам по себе. Она сама по себе.

Идти по озеру оказалось неожиданно легко, словно по торной, сделанной из хрусталя дороге. Ноги на льду не скользили, а смотреть на распускающиеся в ледяной толще дико-

винные узоры было даже интересно. На мгновение, всего на долю секунды, Галке показалось, в темных глубинах озера вспыхнули и погасли два желтых огня, будто бы гигантское реликтовое существо открыло, а потом снова закрыло глаза. Конечно, показалось! Потому что ничего подобного случиться никак не могло. Это все суеверия. Суеверия и расшатанные нервы. Оказывается, у нее могут расшататься нервы, как у кисейной барышни.

А хрустальное озеро уже выплеснулось на припорошенную снегом сушу, но до изножья башни так и не добралось. Галка запрокинула голову, взгляд заскользил по чешуйчатому каменному боку, застыл на вершине, над которой гордо реял красный флаг.

– Это парни из волошинской бригады, – не без гордости в голосе сказал Демьян Петрович. – Лешку помнишь? Вот он, шельмец, забрался на самый верх и установил флаг.

Галка представила, какой силы ветер там, на самом верху, и поежилась.

– Замерзла? – спросил Демьян Петрович с запоздалым участием. – Прости, не подумал, что пальтишко у тебя такое хлипкое. Ну ничего, мы уже, считай, пришли.

Идти пришлось еще минут десять. И чем ближе они подходили к черной громаде замка, тем сильнее и быстрее билось Галкино сердце. Было ли это от нетерпения или от дурного предчувствия, она не знала, просто чувствовала, как лезут из темных глубин ее души те страхи, от которых она так

старательно и так безуспешно пряталась.

Так же, как в старой усадьбе, Демьян Петрович направился не к парадному входу, а к черному. Для этого им пришлось обойти дом по периметру и выйти к очищенной от снега, хорошо сохранившейся каменной дорожке, которая одним своим концом упиралась в полуразрушенный деревянный пирс, а вторым в закрытую дверь. Дверь Демьян Петрович толкнул, не особо церемонясь, но она оказалась заперта. Пришлось долго и изо всех сил стучать кулаком в почерневшие от времени, но все еще крепкие дубовые доски.

– Кого еще нелегкая принесла?! – Голос, который раздался с той стороны двери, был скрипучий, не понять, мужской или женский.

– Открывайте! Начальник чернокаменной милиции Сметников! – во все горло заорал Демьян Петрович.

Дверь открылась, но не до конца. В образовавшейся щели появилось узкое длинноносое лицо с редкой бородкой и редкими же усиками. Черные, словно бусины, глаза ощупали их с головы до ног, а потом все тот же скрипучий голос сказал:

– Погодите, я доложу хозяйке.

Дверь бы непременно захлопнулась прямо перед их носами, если бы Демьян Петрович с неожиданным проворством не просунул в щель ногу и не потянул ручку на себя.

– А что годить? – спросил он мрачно и шагнул вперед, заставляя пятиться невероятно худого, сутулого человека. – И что это еще за барство такое?! Хозяйке он доложит! Прошло,

мил человек, время хозяев, наступило время товарищей!

Он говорил и продолжал теснить человечка в глубь просторного холла. Густой бас милиционера разносился по затаившемуся дому, заставлял вибрировать застоявшийся, пахнущий сыростью и плесенью воздух.

– Мефодий, что ты тут устроил?! – Этот голос, одновременно звонкий и вкрадчивый, доносился откуда-то сверху. – Товарищ милиционер, прошу простить моего помощника. Мефодий излишне бдительный и не в меру подозрительный. – Женщина, невысокая, пышнотелая, со стянутыми в строгий пучок волосами и милыми ямочками на щеках, стояла на верхней ступеньке лестницы и смотрела на них сверху вниз. – Но бдительность его вполне объяснима. – Придерживаясь рукой за перила, она принялась спускаться по лестнице, и пышная грудь ее, затянутая в строгий серый жакет, колыхалась в такт шагам. – Место здесь уединенное. Остров практически необитаемый. Говорят, в городе свирепствуют волки, а у нас ведь тут дети, и мы с Мефодием за них в ответе.

Продолжая говорить и улыбаться, она сошла с лестницы и остановилась напротив Демьяна Петровича, сказала, теперь уже глядя на него снизу вверх:

– Простите, я не представилась. Аделаида Вольфовна Бурская, директор детского дома. – Она кокетливым жестом протянула пухлую руку, которую Демьян Петрович осторожно пожал. – Мы тут с Мефодием совсем недавно, две недели

как. Обустраиваемся, как умеем.

– Сметников Демьян Петрович, участковый инспектор милиции. – Демьян Петрович запоздало и как-то суетливо сдернул с головы припорошенную снегом ушанку. – Пришел вот проверить... – Он замялся, бросил быстрый взгляд на Галку, – помощницу вам привел.

Из кармана шинели он извлек какие-то бумаги, протянул директрисе.

– Вот ее документы. Звать Галиной. Будет вам тут помогать.

– Помощница, говорите, товарищ милиционер? – Директриса окинула Галку внимательным взглядом, благосклонно кивнула. – Сотрудники нам нужны. Сами понимаете, детский дом новый, только сформированный. Воспитанников у нас на сегодняшний день немного, только двенадцать человек. Но это не надолго. – Она улыбнулась, и на щеках ее снова появились ямочки. – Перспективы для дальнейшего развития и расширения у нас очень большие, а вот свободных рук остро не хватает. Нас пока трое: я и за директора, и за воспитателя, и за учителя, кухарка Матрена Косолапова да Мефодий, который по хозяйственной части. А теперь, значит, еще и нянечка появилась. Замечательно! Очень хорошо!

Восторг директрисы казался Галке каким-то неискренним, наигранным, а царящая в доме тишина была странной. Двенадцать детей – и такая подозрительная тишина.

– Что-то тихо у вас тут. – Демьян Петрович словно прочел Галкины мысли.

– Это потому, что у нас режим. – Директриса кокетливым жестом поправила безупречную прическу. – Воспитанники спят. Поэтому, вы уж простите, на экскурсию не приглашаю. Чтобы не тревожить.

– Конечно-конечно! – Демьян Петрович понимающе закивал, а Галке вдруг показалось, что ему и самому не очень хочется на экскурсию по этому мрачному и тихому дому. – Ну так вот, оставляю на ваше попечение Галину. Надеюсь, вы с ней сработаетесь. Девочка тоже сирота, – добавил он зачем-то.

– Сирота? – Что-то такое мелькнуло во взгляде Аделаиды Вольфовны, что-то хищное и жадное, заставившее Галку невольно поежиться. Жест этот не остался незамеченным. – Замерзла, детка? Признаться, холод – это одна из наших насущных проблем. Дом слишком большой, отопить его целиком не представляется возможности. Спасаемся, как умеем.

Как конкретно в замке спасаются от холода, уточнять она не стала, а Галка не спросила. Сама скоро все узнает.

– С дровами мы вам поможем, – пообещал Демьян Петрович. – Вы напишите заявку. Лучше сразу на имя директора чугунолитейного завода. – Он посмотрел на Галку, вздохнул, а потом добавил: – Ну, Галина, вверяю тебя в заботливые руки Аделаиды...

– ...Вольфовны, – заполнила возникшую неловкую паузу

директриса. – Не беспокойтесь, товарищ милиционер, под моим крылом с Галиной все будет хорошо. Правда, детка? – И снова во взгляде ее промелькнуло что-то темное, словно тень от воронова крыла.

Галка молча кивнула. А Демьян Петрович уже прощался и пятился к двери, на Галку он снова старался не смотреть, словно даже такая малость была ему в тягость. Да и сам Чернокаменск, насколько она успела заметить, производил тягостное впечатление. Не дышалось в нем полной грудью, не хотелось жить. Или это оттого, что Галка враз осталась совсем одна, в окружении чужих людей?

Хлопнула входная дверь, словно отсекая путь к отступлению. Как дверца в мышеловке... И в эту же самую минуту лицо директрисы изменилось: исчезла улыбка и милые ямочки, взгляд сделался колючим, испытывающим.

– Ну что же, – сказала она вкрадчиво, – если будешь вести себя правильно, мы с тобой сработаемся. Уяснила?

Галка снова кивнула.

– А ты не слишком-то разговорчива. Это хорошо. Болтливых я не люблю. – Директриса развернулась на каблуках, не сказала, а приказала: – Иди за мной, покажу твою комнату. Мефодий, а ты дверь на засов запри!

Она направилась вверх по лестнице, шла быстрым и решительным шагом. От перестука ее каблуков под сводами дома просыпалось гулкое эхо.

– На первом этаже у нас общие помещения, кухня, столо-

вая, классы, комната Мефодия и мой кабинет, – говорила она на ходу. – На втором – спальни. Твоя и воспитанников. Да, – она обернулась, посмотрела на Галку сверху вниз, – сразу хочу предупредить, у нас тут железная дисциплина. Воспитанники особые, почти все сложные, рука им требуется жесткая. Понимаешь?

Галка не понимала. Зачем детям, несчастным, оставшимся без родителей сиротам, нужна жесткая рука? Рука им нужна ласковая.

– Понимаешь? – переспросила Аделаида Вольфовна, на сей раз громче.

– Понимаю, – отозвалась Галка.

По коридорам второго этажа гуляли сквозняки. Холодом тянуло из небрежно заколоченных досками окон. На подоконнике Галка успела заметить наметенную горку снега. Теперь не только телу, но и душе сделалось зябко. А Аделаида Вольфовна уже толкнула ближайшую дверь.

– Твоя комната. Вещи можешь оставить здесь.

Комната была маленькой. Наверное, при прежних хозяевах она принадлежала кому-то из прислуги. Из мебели в ней имелась лишь грубо сколоченная кровать, поверх которой лежал старый тюфяк с лезущей из прорех соломой и такая же старая подушка. Рядом с кроватью стояли тумбочка и стул. Ни шкафа, ни стола в комнате не было. На подоконнике узкого, мутного оконца поблескивала тонкая корка льда. Галка поставила чемодан рядом с кроватью, вопросительно по-

смотрела на директрису.

– Теперь пойдем в мой кабинет, – сказал та и, не дожидаясь девушку, вышла из комнаты.

Спальню воспитанников директриса показывать не стала. И пока они шли по темному коридору, Галка все гадала, за какой из дверей она находится. У нее ничего не получилось, тишину второго этажа нарушали лишь звуки их шагов.

Обстановка в кабинете Аделаиды Вольфовны была далеко не такой аскетичной. Здесь имелся и обтянутый зеленым сукном письменный стол, и удобное кресло, на подлокотниках которого Галка рассмотрела глубокие царапины, словно бы от огромных когтей. У стены позади стола возвышался наполовину пустой книжный шкаф, рядом с ним стоял массивного вида сейф. Но отличался кабинет от прочих комнат не сейфом и не добротной мебелью, а излучающей благословенное тепло печкой, отделанной изразцами.

Директриса уселась в кресло, откинулась на спинку, блаженно прикрыв глаза. Присесть Галке она не предложила. Да и не было в кабинете свободного стула.

– Ты откуда? – спросила она, не открывая глаз.

Галка едва не сказала, что из Ленинграда, но вовремя вспомнила приказ дядьки Кузьмы.

– Я из Перми.

– А в Чернокаменск зачем явилась?

– К родственникам.

– К родственникам? А говоришь, сирота.

– Их убили.

– Убили? – Директриса открыла глаза, посмотрела на Галку с внимательным прищуром. – Эти старики, что жили при усадьбе, были твоими родственниками?

– Да.

– И к ним ты ехала из Перми? – Из ящичка стола она достала серебряный портсигар, прикурила тонкую папироску.

– Да, к ним.

– А тут, выходит, такой кошмар – убили родственников. Слышала, им перерезали глотки.

Прозвучало это мерзко, словно речь шла не о людях, а о скотине. Галка не стала отвечать.

– Ты раньше бывала в усадьбе? – Их беседа больше походила на допрос. Что такое допросы, Галка, увы, знала. – Гостила раньше у стариков?

– Нет. Я даже не была с ними знакома. Дальняя родня.

От сигаретного дыма защипало в глазах, запершило в горле.

– И теперь дальняя родня убита, а ты, бедная сиротка, оказалась здесь, под моей опекой.

На опеку их отношения никак не походили, но, может быть, Галка ошибалась? Бабушка часто повторяла, что внучка не умеет разбираться в людях и поэтому должна быть особенно осторожной.

– Иди-ка сюда. – Аделаида Вольфовна поманила ее пальцем. – Покажи руки.

Галка вытянула перед собой ладони. Цепкая рука директрисы крепко, по-мужски, сжала ее запястье.

– Кожа-то гладкая. Смотрю, не приучена ты к работе. Ничего, приучим. Как говорится, терпение и труд все перетрут. Делать будешь все, что велю. За воспитанниками присматривать, по дому помогать, разгребать снаружи снег, если понадобится. На довольствие я тебя возьму, но на многое не рассчитывай. Еды мало, еду нужно заслужить. Всем. – Пальцы на Галкином запястье разжались. – Кто не работает, тот не ест. Ясно?

– Ясно. – Девушка кивнула.

– Повтори!

– Кто не работает, тот не ест. Еду нужно заслужить.

– Молодец. – Директриса небрежно потрепала ее по щеке. – Сообразительная. Есть еще одно правило – не болтать! Мы тут одна семья, и о том, что в семье происходит, чужие знать не должны.

Это была какая-то неправильная, какая-то страшная семья. От недоброго предчувствия, а еще немного от голода засосало под ложечкой. В животе предательски заурчало.

– Хочешь есть. – Директриса не спрашивала, она утверждала.

Галка кивнула. Ей вдруг сделалось стыдно за эту свою слабость. Но есть и в самом деле хотелось.

– Иди на кухню к Матрене, скажи, что я велела тебя покормить. – Аделаида Вольфовна махнула рукой с зажатой в

ней папиросой и отвернулась, потеряв к Галке всякий интерес. – И помни, что я сказала. Не болтай!

Кухню Галка нашла быстро, по запаху вареной капусты. У печи суетилась невысокая худощавая женщина в повязанном прямо поперх душегрейки не слишком чистом переднике.

– Значит, нянькой взяли? – спросила она вместо приветствия и вытерла руки о передник. – А с виду ты больше похожа на этих...

– Каких? – Галка, не дожидаясь приглашения, присела на широкую лавку.

– На этих оглоедов. Кто тебя такую к нам направил? Не любит хозяйка чужих в доме.

Галке подумалось, что вот уже второй человек называет Аделаиду Вольфовну не директрисой, а хозяйкой. Словно бы она и в самом деле всему и всем здесь хозяйка.

– Меня начальник милиции привел.

– Значит, сам начальник милиции? Ну, против милиционера-то она не поперет. Раз привел, так живи, пока живется. Жрать хочешь?

Дождаться ответа Матрена не стала, проворно вытащила из печи большой чугунок, пошуровала в нем половником и плеснула в глиняную тарелку что-то странное, по запаху совсем несъедобное.

– Щи, – сказала в ответ на недоуменный Галкин взгляд. – Из кислой капусты и картошки. А ты думала, тебя тут перепелами угощать станут? – От краюхи хлеба она отрезала

тонкий, просвечивающийся кусочек, положила рядом с миской. – Я тебе так скажу, девка, радуйся, что хоть такая еда есть. Бывали дни, когда этим, – она снова ткнула пальцем вверх, – вообще ничего не перепадало, а тут такая роскошь – капустка, да и не гнилая почти.

Галку замутило, оказалось вдруг, что она совсем не голодна, что ей достаточно вот этого полупрозрачного кусочка хлеба.

– Балованная, – хмыкнула Матрена, наблюдая, как она отодвигает в сторону миску. – Откуда ж ты такая взялась? – Смотрела она на Галку неодобрительно, с осуждающим прищуром.

– Из Перми.

– Городская, значит, девка. Я так сразу и подумала. Уж больно вид у тебя... – Матрена прищелкнула пальцами, – деликатный. Хозяйка таких не любит. Поэтому послушайся доброго совета, не ересься! Если хочешь здесь остаться, придумай, как хозяйке понравиться.

Остаться в этом мрачном доме Галка не хотела, она хотела назад в больницу, к ворчливой, но все равно доброй бабе Рае. Если попросить Демьяна Петровича или доктора Илью Лаврентьевича, то, быть может, они позволят ей вернуться. Ей ведь совсем мало надо: крыша над головой да немного еды. А работать она будет старательно, не за страх, а за совесть. Решено! Завтра же она сходит в город, попросится назад. Отчего-то Галке казалось, что ей не откажут.

От принятого решения на душе как-то сразу стало спокойнее, не исчезли, но чуть-чуть разжались сдавливающие сердце тиски. Все у нее будет хорошо! Она особенная. Так говорила бабушка, и Галка ей верила. Может быть, потому, что ничего, кроме веры, ей не оставалось. Она раздумывала над своим будущим и жевала кислый хлебный мякиш, когда прямо над ухом проскрипел голос Матрены:

– Наелась? Тогда нечего рассиживаться! Бери ведра и шуруй за водой.

Ведра стояли тут же в кухне, рядом с притулившимся в углу коромыслом.

– А где здесь колодец? – спросила Галка, спешно дожевывая последний кусочек и вставая из-за стола.

– Через черный ход выйдешь, повернешь налево, там и колодец. Да иди уже, а то скоро эти встанут. Начнется тут... – Матрена не договорила, лишь недовольно поморщилась.

Колодец нашелся практически сразу. Старый, но с виду крепкий сруб от непогоды защищала припорошенная снегом крышка. Галка смахнула снег, потянула за медную ручку. Поддавалась она с неохотой, а когда наконец поддалась, перед Галкиным взором предстало темное и гулкое колодезное нутро. Вода плескалась где-то очень далеко внизу, по крайней мере, девушке так показалось. Она уперлась ладонями в покрытый ледяной коркой край, посмотрела вниз.

– Ау!

Собственный голос показался ей незнакомым. Отразив-

шлись от деревянных стен, камнем упав в студеную воду, он вернулся обратно не криком, а тихим стоном. Будто бы там, на дне колодца, кто-то страдал и мучился, не находя покоя. Сделалось неуютно, даже страшно. Такому страху место среди глухой непроглядной ночи, но никак не среди бела дня. Галка решительно заправила под платок выбившуюся прядь, столкнула с колодезного борта старое, со следами ржавчины ведро. Оно глухо ударилось о деревянную стенку, заскользило вниз под натужный скрип цепи, виток за витком, пока не послышался всплеск. Галка вздохнула, обеими руками ухватилась за железный ворот, принялась крутить его изо всех сил.

Наполненное до краев ведро было тяжелым, едва удалось вытащить его из колодца, не расплескав воду.

За спиной заскрипел снег под чужими шагами, Галка обернулась. Мефодий приближался к ней крадущейся походкой, худое лицо его кривилось то ли в гримасе, то ли в улыбке.

– Уже приступила к работе? – Все-таки это была улыбка, потому что в голосе Мефодия слышалась благосклонная снисходительность. От недавнего подобоострастия не осталось и следа. На Галку он смотрел внимательно. Подумалось вдруг, что как на добычу.

– Приступила. – Она снова столкнула ведро с бортика колодца.

– Это хорошо, что ты такая работающая и ответственная.

Нам такие нужны.

Галка чуть было не спросила, кому «нам», но в последнее мгновение удержалась. Ей тут недолго осталось, нужно лишь немного потерпеть, а завтра она вернется в Чернокаменск. Ведро с гулким булькающим звуком ушло под воду, цепь натянулась, Галка снова обеими руками взялась за ворот, принялась крутить.

– Давай-ка помогу. – Мефодий навис сверху, смрадно дохнул в лицо чесноком, руки свои положил поверх Галкиных, сжал.

– Я сама! – Она дернула плечом, отстраняясь, стараясь не дышать. – Спасибо, не надо!

– Дичишься? – Мефодий продолжал улыбаться, но руки все-таки убрал. – А ты не дичись, девонька. Ты вот о чем подумай, крепко подумай. – Голос его сделался вкрадчивым, едва слышным. – Если мы с тобой подружимся, жизнь твоя в этом доме может быть весьма сносной, даже приятной. А может стать невыносимой. Это уж тебе решать, как оно лучше.

Для Галки оказалось бы лучшим, чтобы этот скользкий, этот мерзкий человек вообще не появлялся в ее жизни. Вот только права выбирать себе друзей ее лишили. Она изо всех сил потянула полное ведро, не удержала, плеснула ледяной воды прямо на себя. Холод отрезвил, вернул решительность. Она здесь временно, ей не нужно никого бояться!

Мефодий стоял в сторонке, наблюдал за Галкой, по-птичьи наклонив голову к плечу. Он и был похож на птицу – на

длинношеего растрепанного стервятника, готового напасть в любую минуту.

– Спасибо, мне не нужна помощь. – Промокшая одежда льнула к телу, кажется, тут же покрывалась ледяной коркой. Галка подхватила ведра, по узкой тропинке направилась к черному ходу.

– Но ты все равно подумай, – донеслось ей вслед.

* * *

Ведра с водой Галка поставила в кухне и, не дожидаясь дальнейших распоряжений Матрены, поднялась к себе в комнату, чтобы переодеться. Промокшее пальто она повесила на спинку стула. Стащила чулки и юбку, достала из чемодана сменную одежду. Одежды было немного, только самое необходимое, только то, что поместилось в дорожный чемодан. Сплошь добротные, но простые вещи, совершенно лишённые индивидуальности.

– Детка, тебе нельзя выделяться, – говорила бабушка превеличленно бодрым голосом, собирая внучку в дальнюю дорогу. – Тебе нужно затаиться и переждать...

Не получилось переждать и затаиться. Кто ж знал, что так все выйдет? Даже бабушка, которая, казалось, могла предугадать многое, на сей раз просчиталась... Прежде чем закрыть чемодан, Галка проверила потайное отделение. Все, что нужно было прятать от посторонних глаз, осталось на

месте. Но все равно лучше бы перепрятать.

В запертую дверь постучались.

– Открывай! – послышался с той стороны голос Матрены. – Ишь, запирается она, а постельное прихватить не соизволила, мне таскай!

Галка сунула чемодан под кровать, открыла дверь, взяла из рук недовольной Матрены стопку серого, пахнущего сыростью белья, поверх которого лежало ветхое шерстяное одеяло. Матрена в это время бесцеремонно осматривала комнату.

– Постель заправишь и иди уже этих поднимать, – сказала наконец. – Сейчас хозяйка с Мефодием пообедают, а через полчаса ты этих в кухню выводи.

– Вы сейчас о детях? – спросила Галка. Не укладывалось у нее в голове, что о детях можно вот так... презрительно.

– Да какие они дети?! – Матрена вдруг понизила голос, словно бы разговор их могли подслушать. – Звереныши это, а не дети. У большинства родители знаешь кто?

– Кто? – спросила Галка.

– Преступники. Враги советского народа, предатели! Они, значицца, родину предавали, а родина об их выродках все равно заботится.

Кончики пальцев вдруг онемели, и затылку сделалось холодно. Это был страх, практически животный, неконтролируемый страх. Галка сжала и разжала кулаки, успокаиваясь.

– Все они? – спросила она, сглотнув колющий ком. – Все

дети врагов народа?

– Не все. – Во взгляде Матрены застыло равнодушие. – Имеются еще беспризорники. Этим тоже, считай, повезло. Крыша над головой есть, кормят, одевают, обучают. Живи – не хочу! И ведь не ценят они заботу! Я уже десятый год при хозяйке, насмотрелась всякого. Бегут мерзавцы! При всяком удобном случае бегут. Но Мефодий почти всегда их находит, у него чуйка. Как у ищейки! – добавила Матрена со смесью отвращения и восхищения. – Ты, девка, с Мефодием в контры не вступай, поостерегись. – И без того тихий голос упал почти до шепота: – Он хозяйке поболее моего служит верным псом. Глотку за нее любому перегрызет. Или хребет переломает... – Матрена встрепенулась, словно испугалась, что сболтнула лишнего, сказала зло и громко: – Ну, чего стала? Прислали никчемушницу, толку с тебя никакого!

Продолжая ворчать и ругаться, шаркающей походкой она двинулась по коридору, а Галка так и застыла на пороге, не находя в себе силы даже закрыть дверь. Как же хорошо, что сама она уже достаточно взрослая, чтобы не становиться заложницей в этом страшном доме! Завтра же ее здесь не будет.

Мысль эта привела Галку в чувство, позволила выйти из комнаты и сделать первые шаги в сторону той самой двери, за которой находилась детская спальня. Прежде чем взяться за дверную ручку, она замерла, прислушиваясь. Ничего, мертвая тишина. Может быть, она ошиблась комнатой?

Здесь их много, легко перепутать. Но проверить все-таки стоит.

Тяжелая дверь поддалась не сразу, открылась с вынимающим душу скрипом. Галка переступила порог. Они сидели рядком на кроватях. По двое, а кое-кто даже по трое. Двенадцать испуганных, безмолвных детей, самому старшему из которых на вид было не больше двенадцати, а самому младшему, наверное, не исполнилось и пяти. Выродки и звереныши, как сказала Матрена...

Они не походили ни на выродков, ни на зверенышей – скорее уж на испуганных птенцов. За каждым ее движением дети следили настороженно, сидели неподвижно, только бритые налысо головы поворачивались на тонких цыплячьих шеях да огромные, как плоски, глаза смотрели, не мигая. И Галка тоже замерла, прижалась похолодевшей спиной к двери, не зная, что говорить, как общаться с этими совсем не похожими на детей детьми.

– А ты кто? – Самый маленький, лопоухий, ясноглазый мальчик с побледневшими за зиму, но все еще заметными веснушками, оказался самым смелым. Только в его взгляде помимо настороженности светилось еще и обычное детское любопытство.

– Я Галка. – Она сделала глубокий вздох, оттолкнулась от двери, подошла к мальчику. – А как тебя зовут?

– Меня зовут Александром, – сказал мальчик тоном серьезным и официальным.

– Санька, не дури, – одернула его сидящая рядом девочка лет восьми. О том, что это девочка, а не мальчик, догадаться можно было лишь по ветхому пальтецу, в которое она зябко куталась. – Тетеньке неинтересно знать, как тебя зовут. – На Галку она глянула испытующе, исподлобья, а маленького Саньку обняла за плечи, словно защищая.

– Отчего же? Мне интересно. Вот, к примеру, мне интересно, как тебя зовут.

– Я Алена.

На Галку девочка больше не смотрела, теребила подол пальто. Руки ее были красными от холода и шершавыми от цыпок. Галка только сейчас почувствовала, что в этой комнате так же холодно, как и в ее собственной. Но вот же она – печка! Чтобы убедиться в своей догадке, Галка потрогала холодный печной бок. Не поверила, распахнула почерневшую от копоти чугунную дверцу, заглянула в пустое нутро.

– Дров нету, – подал голос самый старший из детей, болезненно худой и бледный мальчик с черными, как угли, цыганскими глазами. – Тепло только в кухне, но нам там долго оставаться не разрешают.

А Галке вдруг подумалось, что тепло не только в кухне, но и в кабинете директрисы, и скорее всего в комнате Мефодия. Тепла не доставало лишь вот этим несчастным детям. А еще захотелось узнать, что бы сказал Демьян Петрович, если бы Аделаида Вольфовна пригласила его на экскурсию по дому или если бы он сам на этой экскурсии настоял. Как

бы он отнесся к вот этой мертвой печи и к этим непохожим на детей детям? Чутье подсказывало, что увиденное ему не понравилось бы. Не оттого ли его и не пригласили?

Спрашивать, почему детям не разрешают оставаться на кухне, Галка не стала. Достаточно было вспомнить лицо Матрены, и все становилось ясно. Девушка обвела взглядом комнату, отведенную под детскую спальню. Ничто не говорило о том, что это детская. Галка не увидела ни одной игрушки, ни одной книжки. Пять кроватей, заправленных такими же ветхими, как и у нее, простынями. Пять кроватей – двенадцать детей... Наледь на подоконниках, и дует из окон немилосердно, потому что, несмотря на морозы, окна даже не заклеены.

– Давно вы тут? – спросила она черноглазого мальчугана.

– Больше недели. – В голосе его не было ни волнения, ни обиды, ни боли – одна лишь покорность судьбе.

– А ты останешься с нами?

Галка и не заметила, как самый маленький, самый смелый мальчик подошел к ней, доверчиво взял за руку. Он смотрел на нее снизу вверх и улыбался, а она не находила нужных слов для ответа.

– На сегодняшний вечер, Санечка. Я останусь с вами до завтрашнего утра.

Девочка Алена многозначительно хмыкнула, словно бы читала Галкины трусливые и подлые мысли. А мысли ведь и в самом деле были подлыми. Она не хотела и не собиралась

оставаться в этом похожем на тюрьму доме. И чтобы избавиться от этой неловкости перед детьми и в первую очередь перед самой собой, Галка громко и излишне бодро сказала:
– Пойдемте обедать!

Они встали как по команде, выстроились в шеренгу по двое, взялись за руки. Сердце заныло, подпрыгнуло к горлу и там затрепетало, задергалось. Эти дети не были похожи на детей, потому что привыкли жить по взрослым законам. Как в казарме. Или как в тюрьме...

Они так и шли парами, сначала по коридору, потом по лестнице. Шли тихо, как двенадцать маленьких призраков. И старый дом не отзывался на их присутствие даже шорохом, словно их и не существовало вовсе.

На кухне было тепло и парно, пахло все той же капустой. Матрена возилась у печи. На Галку она бросила быстрый взгляд, велела:

– Доставай из буфета тарелки, накрывай на стол. А вы рассаживайтесь! Нечего глаза мозолить!

Дети молча заняли свои места за длинным дубовым столом, за движениями Матрены они следили жадными глазами, и Галка вдруг поняла, что воспитанники голодны. Не просто проголодались после обычных детских игр, а голодны по-настоящему, по-взрослому. А еще замерзли. И сейчас, сидя в жарко натопленной кухне в ожидании баланды из гнилой капусты, они почти счастливы. Поэтому, доставая из буфета старые, с трещинами и сколами тарелки, Галка нарочно

не спешила. Пусть посидят подольше, пусть погреваются.

– Что ты там возишься? – сказала Матрена недовольно и поставила на середину стола чугунок, от которого шел пар и отвратительный капустный дух.

– Я сейчас. – Галка переставила с места на место тарелки. – Тут ложек не хватает.

– Знамо дело – не хватает! Где ж на них всех напасть ложками! Давай одну на двоих, как-нибудь управятся. Чай, не बारे! А кто сильно голодный, тот и так похлебают, без всяких ложек.

Это было гадко и отвратительно! Детей, еще совсем маленьких и беззащитных, лишали самого важного – права оставаться людьми. И ведь они привыкали, принимали происходящее как должное, тянулись к разлитой по тарелкам бурде с жадным нетерпением, не боясь обжечься, прямо руками вылавливали редкие куски картошки и ошметки капусты. Им не нужны были ложки. Почти всем.

Санечка придвинул к себе тарелку, понюхал поднимающийся над ней пар, вздохнул, взял у Галки ложку и принялся есть. Он ел аккуратно, стараясь не уронить ни капли, а то, что осталось на дне, старательно вымакал хлебным мякишем, с надеждой посмотрел сначала на Галку, потом на Матрену.

– Хочешь еще? – спросила Галка шепотом, и он молча кивнул. – Кому еще добавки?

Вверх поднялось двенадцать рук. И двенадцать пар голод-

ных глаз посмотрели на нее со смесью удивления и надежды. А Галка уже разливала по тарелкам остатки щей. Руки ее дрожали то ли от несправедливости происходящего, то ли от злости.

– Что ты делаешь?! – вскинулась Матрена. – Что ты творишь, девка?!

– Они голодные. Неужели вы не видите?! Щи ведь еще есть.

– Есть, да не про вашу честь! – Матрена стояла у печи, уперев кулаки в бока. Галке показалось, что она сейчас кинется в бой, и была готова бой этот принять.

– Ешьте, дети, – сказала она так спокойно, как только могла. – Ешьте, не бойтесь.

Их не нужно было просить дважды. Они ели быстро, как оголодавшие волчата, разве что не урчали от удовольствия.

– Хозяйке доложу, – прошипела Матрена. – Ишь, самовольничает она!

Галка не ответила, она наблюдала за детьми, руки ее по-прежнему дрожали. Тарелки опустели быстро, на столе не осталось даже хлебных крошек. Их аккуратно сгребли в ладошки и тут же съели.

Задержаться подольше на теплой кухне Матрена не позволила, замахнулась мокрым полотенцем на сидящего с края мальчика, но не ударила.

– Пошли вон, оглоеды! – сказала зло и так же зло зыркнула на Галку.

Дети встали молча, выстроились в шеренгу по двое, вопросительно посмотрели на Галку. Привыкли делать все по команде. Или приучили.

– Где Аделаида Вольфовна? – спросила Галка.

– Уехала с Мефодием в город по делам, – ответила Матрена сквозь стиснутые зубы. – А тебе что за беда?

– У детей в спальне холодно. Нужны дрова, чтобы протопить печку.

– Нету дров!

– Я видела во дворе.

– То, что ты видела, тебя не касается. Если хозяйка велит, я выдам, а так и думать не смей. У них одеяла есть и в одежде им ходить по дому разрешено. Что ты еще хочешь?

– Я хочу, чтобы детям было тепло, – упрямо повторила Галка.

– А вот если такая сердобольная, так бери топор и шуруй в лес! А из поленницы брать не смей.

– Где топор? – спросила Галка, не особо надеясь на ответ, но Матрена неожиданно снизошла:

– В кладовке.

Прихватив из кладовки топор, Галка проводила детей обратно в их комнату.

– Может, кто-то хочет со мной прогуляться? – спросила и запоздало подумала о том, что дети одеты не по погоде. Нормальные валенки были лишь у троих.

Они переглянулись, словно научились общаться друг с

другом без слов, и так же без слов выбрали для прогулки троих, которым достались валенки. Среди этих троих оказались Алена, черноглазый мальчик, которого звали Марком, и Санечка. Санечка оказался одет легче остальных, но по глазам было видно, что на прогулку ему хочется тоже сильнее, чем остальным. И Галка нашла выход: сдернула с плеч пуховый платок, крест-накрест обмотала им мальчика поверх пальтишка. Получилось тепло, хоть и смешно. Но никто из детей смеяться не стал. Может быть, они не умели?

Из дома выходили через черный ход, шли гуськом сначала мимо гулкого холла, потом мимо кухни, где зло гремела посудой Матрена, и, оказавшись на дворе, взялись за руки.

– Ну, где тут лес? – спросила Галка, оглядываясь.

Ей никто не ответил. Они не знали, потому что гулять вне дома им раньше не разрешали. Впрочем, ответ был очевиден: в глубине острова виднелись припорошенные снегом сосновые кроны.

– За мной! – скомандовала Галка и взяла за руку Санечку.

Они шли бодрым шагом, говорил только Санечка, остальные молчали. От Санечки Галка и узнала, почему на прогулку снарядили этих троих. Потому что они шли не на прогулку, а за дровами. Самым сильным и самым старшим в отряде был Марк, а самой выносливой Алена. Санечке же просто повезло, третья пара валенок ни на кого из старших детей попросту не налезала. А ему так хотелось прогуляться по лесу! До жути!

Лес оказался ближе, чем Галке думалось. Был он густым и темным, почти таким же, как лес перед озером. Под сенью его царила тишина.

– Нам нужен валежник! – Галка осмотрелась в поисках обломанных веток или сухостоя. – Только от меня далеко не отходите. Будьте рядом!

– Нашел! – Сломанную сосенку первым увидел Санечка, запрыгал от радости, захлопал в ладоши. – Вон она!

Рубить тонкое деревце оказалось не слишком тяжело, вот только и дров с него получилось немного. Галка расстелила на земле прихваченную из кладовки дерюгу, принялась складывать на нее полешки, сучья и сосновые лапы. Дети помогали. Чтобы раздобыть еще дров, пришлось углубиться в лес. Им повезло. Эту сосну вывернуло из земли прямо с корнем, наверное, еще осенью, потому что колючие лапы ее успели пожелтеть, а кое-где иголки и вовсе осыпались. По Галкиным прикидкам, хватить сосны должно было надолго, может, на несколько недель. О своем твердом решении уйти с острова она на время забыла.

Ветки у сосны были длинные и толстые, Галка начала с нижних. Она рубила, Марк с Аленой обламывали колючие лапы, а Санечка аккуратно складывал их в кучу. Они уже решили, что каждому достанется по вязанке, так дров получится больше. Работали дружно и споро, не пререкаясь, не капризничая, не глядя по сторонам. Оттого, наверное, и не заметили, как подкралась беда...

У беды были острые зубы и голодные глаза. Она скалилась десятком пастей, рычала утробно и нетерпеливо, окружала со всех сторон. Волки... Волки пришли на Стражевой Камень по льду в поисках добычи.

Нашли...

– Тихо... Только не кричите и ничего не бойтесь. – Одной рукой Галка крепко сжала топор, а второй попыталась задвинуть детей себе за спину, хоть как-нибудь защитить от голодной стаи. Только бы они не запаниковали, не бросились врассыпную. В одиночку никому не выстоять. Им и вместе не выстоять, если уж начистоту, если уж прямо посмотреть правде в глаза...

За спиной тихо пискнула Алена, вцепилась в рукав Галкиного пальто.

– Не плачь, – сказала Галка шепотом, не сводя взгляда с самого большого, самого матерого волка. – И отпусти, пожалуйста, мою руку.

Ей нужна была свобода, пространство для маневров. Лучше уж думать о предстоящем как о маневрах, чем трястись от страха.

Алена послушалась, и в рукоять топора Галка вцепилась уже двумя руками. Марк и Санечка тоже вооружились. Как умели, срубленными сосновыми палками. Смелые мальчишки...

А вожак, самый большой, самый матерый, больше не желал ждать. Стая его все еще пребывала в нерешительности,

но сам он уже сделал первый шаг. С желтых клыков его на белый снег капала слюна, а от грозного рыка закладывало уши.

– Стоять! – Галка закричала что есть мочи, замахнулась топором.

Волк не остановился, разве что немного замедлил шаг. Теперь он приближался к ним по дуге, больше не рычал, лишь жадно втягивал ноздрями воздух. Стая ждала. Галка тоже ждала. Рукоять топора скользила во взмокших ладонях. Удержать бы...

А волк был уже совсем близко. Настолько, что стоило протянуть руку, и Галка смогла бы дотронуться до его черного, словно бархатного носа. В желтых глазах его застыло какое-то удивленное, совершенно человеческое выражение. Галка сделала глубокий вдох, приготовилась. Никогда раньше она не видела такого большого волка. Да что там, раньше она не видела никаких волков! И топор в руках не держала...

– Только попробуй, я тебе башку раскрою, – сказала она так, что и сама почти поверила в то, что может причинить хоть какой-то вред этому огромному и страшному зверю, словно может его напугать.

Напугала. Кажется, напугала... Волк вдруг припал на передние лапы, заскулил совершенно по-собачьи. Острые уши его теперь были плотно прижаты к голове, седая шерсть на холке нервно подрагивала.

– Вон пошел! – Голос Санечки звучал звонко и решитель-

но, боковым зрением Галка заметила взметнувшуюся в воздух палку. – Уходи!

– Санечка, тише, – прошептала она онемевшими от страха губами. – Не дразни его.

А волк и в самом деле уходил. Он мел хвостом снег и пятился, пятился. Его стая, растерянно и зло порывкая, тоже отступала. Серые тени одна за другой растворялись в сени леса, пока не исчезли окончательно.

Только сейчас Галка вдруг поняла, что, выдохнув однажды, так и не вдохнула снова, что воздуха в легких не осталось ни капли. Она тяжело опустилась на снег, закрыла лицо руками. Секунда. Нужна одна лишь секунда, чтобы прийти в себя.

На плечо легла маленькая ладошка, и голос Санечки бодро сказал:

– Не бойся, Галка, я их прогнал!

– Ты их прогнал. – Санечку она сгребла в охапку, прижала к себе крепко-крепко. – Ты смелый мальчик. Вы все очень смелые!

Здравомыслие вернулось к ней буквально через мгновение. Волки ушли, но что мешает им вернуться?

– Так, нам пора. – Галка взвалила на плечи тяжелую вязанку дров. Ведь глупо же уходить с пустыми руками!

Дети последовали ее примеру, даже Санечка прихватил сосновых веток. К дому шли быстро, тревожно оглядываясь по сторонам, но волков больше не было ни видно, ни слыш-

но. Галке уже начало казаться, что они ей просто привиделись. Здравый смысл в голос кричал о том, что не оставила бы их голодная стая вот просто так. В свое время волки не побоялись напасть на лошадь и вооруженных людей, а тут всего лишь маленькие дети. Что же это было? Может, везение?

До дома они добрались уже с первыми сумерками, Галка перевела дух, лишь оказавшись за тяжелыми дубовыми дверями, но слабины себе не дала. Впереди было еще очень много дел.

Оставлять хворост внизу они не стали, под неодобрительное ворчание Матрены поднялись на второй этаж. В детской спальне ждали оставшиеся в доме дети. Они сидели в полумраке безмолвными теньями, и Галке подумалось вдруг, что в этом доме нет не то что электричества, а даже керосина. Или керосин есть, но, как сказала Матрена, не про вашу честь? Это нужно обязательно выяснить, но чуть позже. Сейчас главная задача – растопить печь.

Огонь разгорался долго. Отсыревшие ветки трещали, дымили, но в конце концов занялись. Пламя, сначала несмелое, сине-белое, крепло с каждой минутой, наливалось оранжево-красным. Дети, все как один, прильнули к еще холодному печному боку, во взглядах их было ожидание не просто тепла, а настоящего чуда. А у Галки оставались еще дела.

На первый этаж она спустилась бегом, заглянула на кухню, сказала с порога:

– Мне нужна керосинка!

– А мне соболиная шуба, – буркнула Матрена, не оборачиваясь.

– Но ведь скоро стемнеет! Как же дети будут в темноте?

– Да уж как-нибудь. Ты шибко не переживай, они к темноте привычные, а керосин нужно экономить. Хозяйка не одобрит.

Пора уже было догадаться, что без разрешения хозяйки в этом доме не делается ничего. Ну и ладно, можно все равно что-нибудь придумать! Придумывать не пришлось, Матрена отвлеклась от своих дел, вытерла руки о передник, сказала:

– Ладно уж, есть одна лампа. – На столе словно по мановению волшебной палочки появилась керосинка. – А уж как ты ей распорядишься, дело твое. Хочешь, себе оставь. Хочешь, этим отдай. Только имей в виду, керосина мало, спалишь весь за пару дней, весь месяц будешь сидеть в темноте.

– Спасибо! – Галка взяла керосинку и, поколебавшись мгновение, спросила: – А где здесь можно раздобыть старых газет?

– Зачем тебе газеты? – тут же насторожилась Матрена. – Если удумала печь бумагой топить, так сразу забудь!

– Это для окон. В детской спальне сквозняки и холод, от окон дует, на подоконниках лед.

– Ну и что, что холод? Они привычные. Крыша над головой есть, и то хорошо.

– А будет еще лучше. – Галка не собиралась сдаваться. Не

сейчас, когда желаемое так близко.

– Нет газет, – сказала Матрена после недолгих раздумий. – Но в кладовке валяются какие-то тетрадки и книжки, остались еще от прежних хозяев. Только ты это... – Она почесала кончик носа. – Тогда уж всем окна поклей, и в хозяйской спальне, и в моей комнате. Раз уж такая добрая.

– Мне бы еще муки для клея. Самую малость.

– Если только самую малость. А то с таким-то расточительством и по миру пойти недолго.

– А ветошь? – Использовать неожиданную доброту Матрены нужно было по максимуму. – Ветошь, чтобы законопатить щели в окнах.

– В кладовке, там же, где и бумага. – Похоже, ветоши кухарке было не жалко. – Да ступай уже, скаженная! Хозяйка с Мефодием скоро из города явятся, а у меня еще ужин не готов.

Прежде чем вернуться в детскую спальню, Галка решила отыскать ту самую кладовку с бумагой и ветошью. Задача эта оказалась не из легких, в старом доме было много комнат и много дверей, большая часть из них оказалась заперта на ключ. Наконец нашлась нужная дверь. Небольшая, лишенная окна комнатка была почти до самого верха забита всякой старой рухлядью. Первым делом Галка достала толстенные книги, оказавшиеся старыми гроссбухами, следом пришла очередь ветоши. Тряпья в кладовке тоже хватало. Оно было старое, пыльное, грязное, но для ее целей вполне годи-

лось. Вот сейчас она отнесет в детскую лампу и муку, а потом вернется с кем-нибудь из помощников в кладовку.

Дети были там же, где Галка их и оставила, у печи. Малыши грелись, а Марк подкидывал в разгоревшийся огонь мелкие щепки. Ее появление они встретили молча, не оттого, что были не рады Галкиному возвращению, а оттого, что так привыкли.

– А я принесла вам лампу! – сказала она как можно бодрее и поставила керосинку на тумбочку.

Кто бы мог подумать, что такая простая новость произведет на детей такое огромное впечатление! Они все как один вздохнули, потянулись к незажженной лампе, как тянутся мотыльки к свету.

– Нам можно будет ее зажечь? – спросил Санечка восторженным шепотом.

– Конечно. – Галка никак не могла взять в толк причину этого восторга. Даже протопленной печи дети не радовались так сильно, как старой закопченной керосинке. – Зажжем, когда совсем стемнеет. Только огонек сделаем маленький, чтобы подольше хватило. А пока у нас есть еще дела, будем клеить окна! – Рядом с лампой она положила гроссбух и старую ветошь. – Есть желающие помочь?

Желающие нашлись тут же. Все-таки это были самые обычные дети, пусть даже и детдомовские.

За окном быстро стемнело. Работу заканчивали при неровном свете керосиновой лампы. Уже через час в комна-

те стало заметно теплее. Отчасти из-за заклеенных окон, отчасти из-за натопленной печи.

Дверь спальни распахнулась в тот момент, когда Галка убирала с широкого подоконника остатки ветоши и бумаги. На пороге стояла директриса, за ее спиной виднелась сутулая фигура Мефодия. Дети, ожившие и оттаявшие, вдруг снова будто закаменели под ее стылмым взглядом.

– А что это тут у нас происходит? – Голос директрисы звучал мягко, но мягкость эта была обманчивой.

– Утепляемся. – Остатками ветоши Галка вытерла мокрые руки. – Вот, протопили печку, заклеили окна, чтобы было теплее.

– Смотри-ка, Мефодий, какая расторопная нам досталась помощница. – Аделаида Вольфовна улыбнулась. – Сколько дел успела переделать всего за один день. Где дрова взяли? – Голос ее вдруг изменился, из мягкого сделался резким. – Кто разрешил тратить запасы?

– Это не из запасов, это из леса. Мы с ребятами днем сходили, нарубили. А ветошь взяли в кладовке, нам Матрена разрешила.

– Лампу вам тоже Матрена дала? А о том, что керосина у нас с гулькин нос, она тебя предупредила?

– Предупредила. Мы будем экономить. Но, Аделаида Вольфовна, ведь нельзя же детям в полной темноте!

– Почему?

Вопрос этот поставил Галку в тупик. Почему детям нельзя

оставаться в темноте в старом полупустом доме? Не потому ли, что им просто может быть страшно? Они же дети!

Дождаться ответа Аделаида Вольфовна не стала, ответ ей оказался неинтересен.

– Керосин будешь покупать за свои собственные деньги. Если ты такая добрая.

Галка не была доброй. Более того, завтра же она собиралась убраться с острова восвояси. Она уйдет, а дети останутся...

– Есть еще кое-что, что ты должна уяснить раз и навсегда. Это детский дом, государственное учреждение, и в этом учреждении существуют четкие правила. Одно из этих правил – экономия. Здесь тебе не курорт, на каждого воспитанника выделяется определенная сумма. Мы не можем себе позволить выходить за рамки и уж точно не можем позволить это тебе. Матрена сказала, что сегодня в обед ты разрешила воспитанникам съесть по две порции.

– Дети были голодны...

– ...И тем самым ты вышла за рамки. Свою дневную норму они съели за обедом, отсюда вывод – ужина не будет.

– Но как же?..

– Вот так! Это мой детский дом и мои правила. Если хочешь здесь остаться, ты должна следовать им неукоснительно. Надеюсь, ты хорошо меня поняла?

– Я вас поняла, Аделаида Вольфовна.

– Вот и замечательно. Сегодня уже слишком поздно, а зав-

тра утром начнешь клеить окна в моем кабинете. Матрена слишком занята на кухне, а ты, как я погляжу, девица весьма энергичная. Вот и займешься полезным делом.

Из детской комнаты директриса вышла, не сказав больше ни слова, даже не пожелав детям спокойной ночи. Как только со стуком захлопнулась дверь, к Галке подошел Санечка, взял за руку, сказал, глядя снизу вверх:

– Ты не волнуйся. Мы не очень голодные.

Они были вечно голодные, тень голода Галка видела в их расширившихся зрачках, в худых шеях и торчащих ключицах. Они просто привыкли быть голодными...

– Только не забирайте лампу, пожалуйста, – попросила Алена. – Мы согласные без ужина, только чтобы со светом.

В голосе ее слышался страх, и Галка вдруг осознала, что страх этот куда сильнее голода.

– Конечно, я оставлю вам лампу. – спине вдруг сделалось зябко, словно в комнату снова ворвались сквозняки. – Но вы должны понимать, что на ночь ее все равно нужно будет погасить. Иначе керосин закончится очень быстро.

Они не ответили. Марк молча открыл дверцу печи, забросил внутрь несколько щепок, а Галка подумала, что и дрова тоже нужно экономить, потому что ходить в лес опасно из-за волков. Она оказалась не готова. Не привыкла она к такой жизни, где все нужно экономить, где похлебка из гнилой капусты – это неслыханный деликатес. И не привыкнет, наверное, никогда. Бабушка ошибалась, она не сильная, она сла-

бая и никчемная. Никчемушница, как сказала Матрена...

– А хотите, я расскажу вам сказку? – Слова вырвались сами собой, нарушили тягостную тишину. – Я знаю много интересных сказок.

– Про принцесс? – спросила Алена, а Марк снисходительно хмыкнул. Он считал себя взрослым и не верил в сказки. Он вообще ни во что больше не верил.

– И про принцесс, и про благородных рыцарей, и про коварных драконов. Рассаживайтесь по своим местам, я начинаю.

Дети послушно уселись на свои кровати. Галка так и не смогла понять, хочется ли им услышать сказку или они просто привыкли слушаться. Но сейчас это было не так важно. Ее задача – развлечь и отвлечь. Пусть бы даже и глупыми детскими сказками. Она и в самом деле знала очень много сказок, помнила еще с детства почти наизусть. Наверное, поэтому сейчас ей было легко. Наверное, поэтому дети слушали с интересом. Интерес этот даже позволил Галке погасить лампу.

– Вам же не страшно, пока я с вами? А когда я уйду к себе, вы снова зажгу свет. Вы согласны?

Они закивали. В темноте Галка скорее почувствовала это, чем увидела.

Сказок было много, но они все равно закончились. В темноте Галка слышала, как кое-кто из малышей уже посапывает во сне. Санечка точно уже спал, уткнувшись лбом ей

в плечо. Галка осторожно встала с кровати, потянулась до хруста в позвоночнике. Подумалось, что, если дети все равно уже спят, керосинку зажигать не обязательно.

– Можно я включу лампу? – Марк говорил шепотом, так, чтобы не разбудить остальных.

– Тебе страшно? – Галка зажгла спичку.

– Нам всем страшно. Это плохой дом.

– Он не плохой, он просто очень старый.

Огонь со спички перепрыгнул на фитиль. Галка отрегулировала лампу так, чтобы света от нее было минимум, поставила обратно на тумбочку, сказала:

– Спокойной ночи, Марк.

– Спокойной ночи.

– Я тут рядом, в соседней комнате, – добавила она. – Если нужно, зовите.

– Зачем? – Черные глаза Марка в темноте были похожи на угли. – Ты все равно завтра уйдешь. Зачем нам тебя звать? – В его голосе не было обиды и злости, только безысходность. Он единственный из детей не забыл Галкины слова о том, что она уйдет.

Она ничего не ответила. Что она могла ответить этому не по годам серьезному мальчику? Она сама еще вчера была ребенком. Ее не готовили к тому, что случится. Или все-таки готовили, но вспоминать об этом не хочется так же сильно, как детдомовским детям не хочется помнить, что завтра она уйдет?..

Из спальни она вышла так же молча, как до этого Аделаида, только дверью не хлопнула, а прикрыла аккуратно, чтобы не разбудить детей. После тепла детской собственная комната показалась ей ледником. Галка нашарила в темноте кровать, легла, не раздеваясь, до самой макушки натянула ветхое одеяло. Думать о том, что завтра она уйдет с острова и в ее жизни все изменится, больше не хотелось. Не приносили эти мысли желанного облегчения. Облегчения не принес даже сон. Не водилось в этом мрачном доме светлых снов, а те, что водились, были больше похожи на кошмары.

Галка проснулась от крика. Вскинулась, заметалась, не способная спросонья в почти кромешной темноте понять, где она, что с ней. К двери бросилась на ощупь, больно ударившись коленкой об угол кровати. Крик доносился из детской спальни, был он приглушенный, едва слышный. Галка вцепилась в ледяную дверную ручку, потянула на себя.

В той комнате было темно и холодно. А еще очень тихо. Больше никто не кричал, даже не шевелился. Галка на ощупь двинулась к тумбочке, на которой оставила лампу, нашарила коробок, чиркнула спичкой. Зажечь лампу получилось не сразу, руки озябли и онемели, как на морозе. Наконец, получилось. Галка подняла керосинку высоко над головой, обвела комнату и спящих – спящих ли? – детей. Прячась от света, бросились врассыпную длинные тени, а по полу зазмеилось, уползая в дальний угол, что-то белое, едва различимое в темноте. Мгновение – и нет ничего! Только комната с

минимумом мебели. Только испуганные дети, моргающие в темноте по-совиному.

– Не надо бояться, это я, – сказала Галка, еще выше поднимая лампу. – Кто кричал?

Наверное, холод ей почудился, потому что сейчас в спальне было довольно тепло и отчетливо слышалось потрескивание углей в печи.

– Это я. – Алена сидела, обняв за плечи Санечку.

– Тебе приснился кошмар? – Галка присела на край кровати, успокаивающе погладила сначала Алену, потом и Санечку по бритым головам.

– Это не кошмар. – Алена мотнула головой, стряхивая ее руку. – Это ведьма, страшная ведьма. Она была здесь.

– Здесь никого нет. И в коридоре никого нет. Тебе показалось, Аленка. Или приснилось.

– Мы все ее видели, – заговорил Марк. – Она приходит по ночам.

– Когда она приходит, становится очень холодно и очень страшно, – добавил Санечка и, поймав Галкину ладонь, прижал к своей горячей со сна щеке.

– И как... как она выглядит? Может быть, это была Матрена? Приходила проведать, как вы тут?

– Матрене до нас нет дела даже днем, не то что ночью. – Марк изо всех сил старался, чтобы голос не выдал его волнения. Получалось плохо. Он боялся так же, как и остальные. – А это что-то совсем другое.

Он так и сказал не «кто-то», а «что-то», словно сам не понимал, что или кого видел. А вот Галка, кажется, начинала понимать. Хотя верить в такое получалось еще меньше, чем в детские сказки.

– Она вас обижает? Эта женщина?

– Она смотрит, – сказала Аленка шепотом. – Просто смотрит. У нее такие волосы... – Узкие Аленкины плечики вздрогнули. – Как белые змеи. Они подкрадываются...

– Однажды я стащил на кухне нож. – Марк посмотрел на Галку с вызовом. – И когда одна из этих змей потянулась ко мне, резанул...

– И что?..

– И ничего. Она просто исчезла, эта ведьма. Ты нам не веришь. – Он не спрашивал, он и сам не мог поверить, что кому-то их рассказ может показаться правдой.

– Я вам верю.

Галка и в самом деле верила. Верила и боялась этой своей веры. Потому что, если она поверит в *такое*, жизнь ее уже никогда не будет прежней. Впрочем, жизнь ее и так никогда не будет прежней. И неизвестно, кого в новой жизни ей следует бояться больше: этого старого дома или людей, в нем обитающих.

– Останься с нами. – Санечка крепко держал ее за руку. – Пожалуйста. Тут широкие кровати, мы все поместимся. А если хочешь, я могу посидеть на стуле.

– Не надо на стуле, мы поместимся. – Галка легла рядом с

Санечкой и Аленкой, вытянулась в струнку на самом краю.

– И свет, пожалуйста, не выключай, – попросила Аленка, зевая.

* * *

Это была тяжелая ночь. Дети уснули почти сразу, а Галке не спалось. Мысли в голову лезли одна хуже другой. А на рассвете она приняла решение. Это было первое в ее жизни настоящее взрослое решение. Она остается! И если уж она решилась, то нужно обдумать, как им быть дальше, как выживать на острове.

У нее имелись с собой деньги. Не слишком много, но на керосин должно хватить. А еще на еду. У детей должно быть что-то кроме гнилой капусты. Значит, сегодня же нужно сходить в город за припасами. О том, что добираться до города придется через лес, Галка думать себе запретила. Думать сейчас нужно о другом, например, о том, как обрадуются дети, когда она сообщит им о своем решении.

Дети и в самом деле обрадовались. И радости своей не скрывали, даже Марк не сдержал улыбки. А Санечка так и вовсе повис у Галки на шее, зашептал на ухо жарко и радостно:

– Как замечательно, что ты осталась! Мы будем вести себя хорошо, мы будем во всем тебя слушаться, Галочка!

Этот малыш был самый яркий, самый открытый из всех.

Словно его еще не успела отравить вся эта мрачная казенщина, которая превращала нормальных детей в воспитанников.

– Санечка, давно ты здесь? – спросила Галка тоже шепотом.

– Я здесь не навсегда. – Он мотнул головой, добавил уже едва слышно: – Я потерялся, но все равно обязательно найдусь!

На завтрак была сваренная на воде пшенная каша. Проголодавшиеся за ночь дети съели ее за считанные минуты. Добавки больше никто не просил, хорошо запомнили урок. Матрена поглядывала на Галку искоса, ворчала что-то себе под нос, сердито гремела посудой. После завтрака Галку вызвала к себе Аделаида, напомнила про окна. О случившемся ночью никто даже не заикнулся. Не услышали детских криков или не придали значения?

Утеплением окон Галка занималась несколько часов, а после обеда ее снова вызвали в кабинет директрисы.

– Поедете с Мефодием в город, – сказала Аделаида, затягиваясь папироской. – Нужно получить продукты. Возьми с собой мальчонку, того, что постарше.

– Марка?

– Не важно. Пусть поможет тебе с погрузкой. Мефодию надрываться нельзя, у него больная спина. Ну, чего стала? – сказала и рукой взмахнула раздраженно. – Ступай уже!

Сообщение о том, что им предстоит вылазка в город, Марк воспринял с радостью. Собрался в дорогу быстро, во

двор выбежал самый первый. Перед домом уже стояла гнедая лошадка, запряженная в сани. Лошадку Галка раньше не видела, а вот Марк, похоже, был с ней знаком. Мало того, Марк лошадку любил. Любил настолько крепко, что поделился с ней не съеденным за обедом кусочком хлеба.

– Это Зорька. – Он ласково погладил лошадку по бархатному носу. – Она очень умная и очень красивая. Я ее...

Договорить он не успел, из двери вышел Мефодий. В теплом тулупе и в шапке-ушанке он казался выше и крупнее, чем был на самом деле, на плече его болталось ружье.

– Готовы? Тогда ползайте в сани! Нам нужно до темноты управиться.

– Из-за волков? – спросила Галка, усаживаясь на кучу соломы.

– А что волки? – Мефодий обернулся.

– Вчера мы видели их в лесу.

– На острове? – Он поправил ружье. – По льду, значит, дошли. Ну ничего, слышал, в городе собираются организовать облаву. Надо будет сообщить, что и у нас эта нечисть завелась.

– И Зорькин сарай укрепить, чтобы не добрались, – подал голос молчавший все это время Марк.

– Не учи ученого, – хмыкнул Мефодий и зло стегнул Зорьку кнутом.

Лошадка обиженно всхрапнула, перешла на рысь, а Марк потемнел лицом. Галка успокаивающе положила свою ла-

донь на его крепко сжатый кулак, заглянула в глаза.

– Не надо, – сказала одними губами.

Он послушался, но кулаки так и не разжал.

До Чернокаменска домчались в два счета. Отчего-то Галке казалось, что озеро от города значительно дальше. Оказалось, не так и далеко. Мефодий высадил их на центральной площади, велел ждать.

– Сколько? – только и успела спросить она.

– Сколько нужно, столько и будете ждать. И чтобы я вас не искал. – Мефодий снова стегнул Зорьку кнутом, и сани сорвались с места.

– Он надолго уехал, – сказал Марк мрачно.

– Откуда ты знаешь? – спросила Галка, оглядываясь по сторонам. Отведенным им временем можно было распорядиться с умом, нужно только узнать, где тут продают керосин и продукты.

– Прошлый раз он меня с собой брал и тоже велел ждать, а сам явился только через полтора часа. Я закоченел весь.

Галка не стала спрашивать, отчего Мефодий не взял мальчика с собой, вместо этого спросила о другом:

– Марк, может быть, ты знаешь, где здесь можно купить керосин?

Он бросил на нее быстрый взгляд.

– Тут все рядом, – сказал с улыбкой. – Пойдем, я покажу.

Первым делом они купили керосин, денег пришлось потратить чуть больше, чем Галка планировала, но кое-что еще

оставалось на гостинцы для детей. Посоветовавшись с Марком, она выбрала сушки. Они весили мало и стоили относительно недорого. А еще их можно было спрятать под одеждой, чтобы Мефодий не заметил.

Зато Мефодий заметил бутылку с керосином.

– Это что? – спросил подозрительно.

– Это керосин. – Галка прижала бутылку к груди. – Матрена выдала мало, а я боюсь темноты.

– Правильно делаешь, что боишься. Темнота на Стражем Камне дело такое... – Мефодий прищелкнул костлявыми пальцами, – непредсказуемое. Особенно если спать в одиночестве. – И глянул так, что у Галки от стыда загорелись щеки.

– Я не в одиночестве, – сказала она с вызовом. – Я с ребятами. Так и керосин сэкономим.

– Ладно, полезай в сани, экономная, – усмехнулся Мефодий. – У нас еще дела не деланы.

Марк был прав: Чернокаменск оказался городом небольшим и довольно компактным. Во всяком случае, его центральная часть. От площади отъехали недалеко. Мефодий остановил сани сначала перед продуктовой лавкой, в которую отправился сам, оставив Галку с Марком снаружи. Из лавки он вынес нагруженную доверху сумку, которую бережно пристроил рядом с собой в соломе.

– А теперь нам туда! – Он указал на расположенное на противоположной стороне улицы здание, достал из кармана

тулупа смятую бумажку, расправил на коленке, полюбовался жирной печатью, велел: – Чего стали? Топайте! Я пока сани подгоню.

– Тут продукты выдают, – шепнул Марк. – Сейчас погрузимся и обратно поедем.

Мальчик оказался прав. Из-за приоткрывшейся деревянной калитки выглянула шустрая тетенька, выхватила из рук Мефодия бумажку с печатью, сказала что-то резкое. В ответ Мефодий лишь сердито сплюнул себе под ноги и закурил папироску.

– Вперед, красавица! – велел, с насмешкой глядя на Галку. – Грузиться будете вдвоем с мальцом. Мне нельзя, мне спину прихватило.

Марк глянул на него полным ненависти взглядом, но, почувствовав на своей руке Галкину ладонь, успокоился, лишь сказал строго:

– Ты не лезь, я сам.

Он сам. Маленький двенадцатилетний мальчик. Сам бы он все равно не сумел, потому что помимо обычных продуктов грузить им пришлось еще и тяжелые мешки. Мешки были грязные и пыльные, пахло от них смесью зерна и опилок.

– Подворье на острове решено заводить, – снизошел Мефодий до объяснений. – А это фураж. На первое время. Да вы не ленитесь, веселее работайте. А то ведь и в самом деле не управимся до темноты.

Наверное, оттого, что он постоянно их подгонял, это и

случилось. Тяжелый бидон с молоком Марк подхватил сам, не позволил Галке ему помочь. Зря не позволил, потому что почти у самых саней поскользнулся и упал. Он лежал и беспомощно наблюдал, как из опрокинутого бидона прямо на грязный снег вытекает молоко. А Галка испугалась, что Марк расшибся, потому что упал он очень неловко, ударился затылком о мостовую. Она помогала Марку встать на ноги, когда скорее почувствовала, чем увидела, нависшую над ними тень.

– Ты что это наделал, гаденыш? – Голос Мефодия дрожал от ярости. И в унисон подрагивал хлыст в его руке. – Как посмел?

– Простите, я не хотел. – Смотреть на Мефодия Марк боялся, он испуганно цеплялся за Галку, совершенно забыв о том, что он взрослый.

– Не хотел? – Глаза Мефодия побелели, радужка словно исчезла, уступая место наливающимся кровью белкам. – Я тебе сейчас покажу! Я тебя научу, как...

Когда хлыст взлетел в воздух, Галка только и успела, что встать между Марком и Мефодием да крепко зажмуриться и вскинуть руку в попытке защитить лицо от неминуемого удара.

Удара не последовало. Зато послышалось злое шипение, переходящее в возмущенный вопль. Мефодия кто-то с силой дернул за ворот тулупа, швырнул в сугроб. Кнут упал рядом. От неожиданности Галка тоже не удержалась на но-

гах, плюхнулась на мостовую рядом с Марком.

– А что это вы, товарищ, себе позволяете? – Голос был охрипший, с трещинками. Голос этот Галка помнила. – Ай, как некрасиво на девочку руку поднимать!

Над Мефодием горой возвышался Демьян Петрович. В зубах его была зажата почти догоревшая папироса, а правая рука многозначительно поглаживала кобуру пистолета.

– Хорошо, Лешка проворный оказался, а то б мне стрелять пришлось. Не терплю я, когда на вверенной мне территории творится такое безобразие.

– Ушиблась, малая? – Кто-то совершенно не галантно подхватил Галку под мышки, поставил на ноги. – Он тебя не задел?

– Я не малая, – только и смогла ответить Галка. На Алексея она даже не посмотрела, бросилась поднимать с земли Марка.

– Товарищ милиционер, да что вы такое говорите?! – А вот голос Мефодия она не узнала, так сильно он изменился. – Пареньку вашему почудилось что-то. – Мефодий встать не пытался, сидел в сугробе, трусливо прикрывал голову ладонями.

– Прямо-таки почудилось? – Демьян Петрович выплюнул докуренную папиросу, стряхнул с сапог снег. – И кнутом ты на Галку не замахивался?

– Как есть почудилось! – Мефодий смотрел заискивающе, губы его дрожали. – Поскользнулся я, товарищ милиционер.

Вот как мальчонка, так и я поскользнулся. Скользко тут. А кнутом я не замахнулся, а взмахнул, чтобы удержать равновесие.

– Что ты брешешь?! – Алексей шагнул вперед, навис на Мефодием, и тот испуганно вжался в сугроб. – Ты думаешь, я слепой?

– Да вы у деток, у деток спросите! Вот, к примеру, у мальчика спросите, как дело было! – Голос Мефодия сорвался на визг. – Мальчик, скажи товарищам, что видел.

– Он поскользнулся. – Ответил Марк не сразу, а после небольшой заминки, которая ясно дала понять Галке, как хочется ему сказать правду и как мало надежды он на эту правду возлагает, как отвык доверять людям.

– А ты что скажешь, Галина? – Демьян Петрович нахмурился, посмотрел исподлобья. – Как дело было?

Ей бы сказать правду, рассказать обо всем, что творится на Стражевом Камне, но внутренний голос шептал – молчи, выйдет только хуже.

– Так все и было, как он говорит. – Галка бросила быстрый взгляд на Марка, на его сжатые кулаки. – Они оба поскользнулись.

– Вот видите, товарищ милиционер! – Мефодий с демонстративным стоном поднялся на ноги. – Парень ваш ни за что ни про что хорошего человека обидел. А еще, небось, комсомолец! – На Алексея он покосился с укором.

Алексей в это время смотрел на Галку, очень пристально,

словно взглядом хотел прожечь в ней дыру.

– Я все видел, – сказал одними губами, так, чтобы ни Мефодий, ни милиционер не услышали.

Галка лишь пожала плечами.

– Ну, коли обидели мы тебя, мил человек, так сейчас же и извинимся, – сказал Демьян Петрович, осматривая сани. – Я гляжу, вы провиантом запасаетесь?

– Продуктами для сироток. Фуражом еще. Аделаида Вольфовна решила на острове скотинку кое-какую завести, чтобы дети не голодали, чтобы мяса им было в достатке.

– Что ж, это дело похвальное. Вот мы с Алексеем вам и поможем. Сколько там еще мешков не погружено? – К явному неудовольствию Мефодия, уходит Демьян Петрович не спешил.

– Да что вы, товарищ милиционер! Не надо нам помогать, мы и сами управимся!

– Как же вы управитесь? Помощники-то у вас совсем хилые: малец да Галина моя.

Он так и сказал «Галина моя», словно специально давая понять Мефодию, что до Галки ему есть дело. Или просто показалось?

Вместе с Алексеем они управились в два счета, погрузили оставшийся фураж в сани.

– Ну, мил человек, чего ждем? – спросил Демьян Петрович ласково. – Берись за вожжи, проводим мы вас до острова.

Мефодий начал было снова отнекиваться, но его оборвали:

– Времена настали беспокойные. Слышал, банда в округе завелась? В старой кутасовской усадьбе двоих убили, третий чудом жив остался.

– Слышал. – Мефодий уселся в сани, бросил недобрый взгляд на замешкавшуюся Галку. – Страсти какие!

– Давай, малая! – Алексей лихо запрыгнул в сани, протянул Галке руку.

От помощи она отказалась, забралась сама.

– А еще волки, – добавил Демьян Петрович мрачно. – Стая рыщет по округе. К вам на остров серые не забредали?

– Забредали, – опередила Мефодия Галка. – Мы с ребятами их вчера видели.

Как близко видели, уточнять не стала, подумала, что все равно не поверят.

– На острове видели? – нахмурился Демьян Петрович.

– Недалеко от дома.

Она должна была рассказать им про волков, потому что стая угрожала всем, кто жил на острове, потому что рано или поздно ей с ребятами снова придется выйти в лес за дровами.

– Плохо дело. – Алексей уселся рядом, искоса глянул на Галку. – Демьян Петрович, мы за этими тварями по лесу гоняемся, а они, оказываются, на острове детей пугают.

– Я не ребенок, – огрызнулась Галка. Ей не нравилось, что этот самонадеянный парень считает ее маленькой.

Он посмотрел на нее с насмешкой, но, слава богу, ничего не сказал.

Всю дорогу до озера Демьян Петрович пытался разговаривать Мефодия, но тот предпочитал отмалчиваться. Галка тоже большей частью молчала. Да и что она могла сказать этим двоим? Пожаловаться на то, как обращаются в детском доме с сиротами? А кому поверят быстрее: ей или Аделаиде? Бабушка велела молчать и смотреть в оба, в Чернокаменске доверять только старикам, которых больше нет, и дядьке Кузьме, который вроде как есть, но на самом деле его тоже нет. Так на кого Галке можно положиться? Уж точно не на Алексея, который смотрит на нее как на несмышленную мелюзгу и обидно называет малой.

Стоило саням въехать на лед Стражевого озера, как и без того вялые разговоры и вовсе стихли. Мужчины поглядывали по сторонам, Демьян Петрович больше не убирал руку с кобуры, а Алексей снял с плеча охотничье ружье. Даже Марк тянул шею, стараясь в наползающих сумерках первым разглядеть волчью стаю.

Им повезло, до острова они добрались без происшествий. Может, стая, не найдя, чем поживиться, убралась восвояси? Пусть бы так и было. Потому что хвороста надолго не хватит... И тут Галка вспомнила обещание Демьяна Петровича. Легонько коснувшись рукава его шинели, она сказала шепотом, так, чтобы не услышал Мефодий:

– Демьян Петрович, вы говорили про дрова...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.